ЕВГЕНИЙ ПРЯДЕЕВ

КНИГА 2

МОСКОВСКИЙ ЦЕЛИТЕЛЬ.

Я ПРИШЕЛ ПРАВИТЬ!

Евгений Прядеев

Московский Целитель. Я пришел править. Книга вторая

«Автор»
2026

Прядеев Е.

Московский Целитель. Я пришел править. Книга вторая /
Е. Прядеев — «Автор», 2026

Сколько лет учиться на врача? Сколько?? Да не, эта дорога явно не для меня. Я и так неплохо себя чувствую, а с Даром и "змейкой" наверняка смогу принести немало пользы. Только бы с Трояном как-то отношения наладить, бог всё-таки...

© Прядеев Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 26
Глава 5 32
Глава 6 37
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Евгений Прядеев
Московский Целитель. Я пришел править. Книга вторая

Название:Московский Целитель. Я пришел править. Книга вторая
Автор(-ы):Евгений Прядеев
Ссылка:https://author.today/work/577695

Глава 1

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными людьми, нелюдьми, а также тварями, считающими себя людьми, абсолютно случайны. Аналогии с местами, учреждениями, любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями — не более, чем плод фантазии. А если что-то подобное случится в будущем, то автор будет гордиться, что Провидение тоже читает его книги.

1 глава

— Большинство владельцев загородных домов и дачных участков, — четким выразительным голосом читал текст с планшета мой отец. — Слышишь, Гена! Большинство! Так чем мы с матерью хуже? Так-с, дальше, значит… Большинство не отказывает себе в удовольствии разведения кур! Во как! Удовольствии!

Я терпеливо изображал максимально внимательное выражение лица, стараясь не заржать и прикидывая, под каким предлогом и когда можно спокойно срулить в сторону города. Судя по настрою папы — нескоро, а деваться всё равно некуда… Родители — это святое!

— Как домашняя птица курица считается весьма нетребовательной к условиям содержания! Видишь, Гена! Нетребовательной! — батя поднял вверх указательный палец с таким видом, как будто только что совершил эпохальное открытие. — Получается, что нам с матерью сильно морочиться не придется, а небольшая физическая нагрузка в нашем возрасте даже полезна.

— Ну так небольшая — это яички собрать, а там то наверняка чистить, убирать придется, — попытался внести я в диалог нотки благоразумия, но услышан, естественно, не был. Если уж моему отцу в голову пришла гениальная идея, то сдвинуть его можно только промышленным экскаватором.

— Нетребовательной, но в зимнее время всё-таки нуждающейся в теплом помещении, — продолжал заниматься отец моим просвещением. — Поэтому мать решила вон в том углу участка поставить курятник.

Судя по тому, как мама страдальчески закатила глаза, разрешение явно выдавалось под давлением и скорей всего напоминало мантру из серии «Делай, что хочешь, только отстань от меня».

— Батя, может быть проще работяг нанять? — поинтересовался я, заранее, впрочем, зная ответ на свой вопрос. — Они ж за два часа не то что курятник — дворец для курей возведут!

— Зачем нам какие-то работяги? — сурово зыркнул на меня отец. — Я у тебя что, совсем криворукий? Тут делов-то… Начать и кончить! Вот, смотри, на этом сайте и чертежи с размерами есть, и даже видео, что и в какой последовательности делать. С перекурами за полдня управимся!

Три раза ха! Всего-то полдня. Если выживем!

Вот в этом и состоит главная проблема любого фрилансера или просто человека без четкого графика работы. Все в окружении искреннее уверены, что ты бездельник, которому постоянно нечем заняться, поэтому тебя в любой момент можно дергать по любому поводу. И не просто дергать, а припахивать! Курятник же, понимать надо! Задача галактического масштаба!

А я вообще официально безработный, то есть бездельник в квадрате. В голове, конечно, крутились разные мысли и проекты, но пока что никак не хотели оформляться во что-то более-менее конкретное и осязаемое.

А любые деньги имеют свойство заканчиваться, и лучше подготовиться к этому моменту заранее. Но пока что я никак не мог определиться, чем заниматься. Раньше даже не задумы-

вался, а вот теперь пришлось. Возвращаться в «безопасники» не хотелось. Так-то понятно, что я не самый плохой специалист в этой области и легко смогу найти работу по профилю в Москве, но с другой стороны…

С другой стороны, жизнь то изменилась. Теперь на моем пальце живет древнее существо в виде змейки, а внутри Дар людей лечить. Забыть про это оказалось невозможно. Это поначалу я мог махнуть рукой и с гордостью заявить, что вполне способен обойтись и жить дальше без столь ценного подарка.

На деле же оказалось, что способность исцелять — это наркотик, от которого очень и очень тяжело отказаться. Есть что-то сверхъестественное, когда ты понимаешь, что спас жизнь человеку. Ну или помог спасти. Здесь даже важен не результат, а само ощущение могущества. Возможности. Дозволенности. Чего-то огромного и поглощающего…

Поэтому, как бы я не сопротивлялся, мои размышления все чаще приводили меня к выводу о том, что надо заняться медициной. Вернее, целительством, потому что учиться азам с нуля я явно не собирался. Ну по крайней мере, точно не делать этого традиционными методами. Семь лет на студенческой скамье мои старые кости не выдержат. Лекции, зачеты, экзамены… Да ну нафиг… Единственный аргумент в пользу такого решения это наличие молоденьких однокурсниц. Хотя, по нынешним временам тоже не уверен, что это большой плюс… Тем более, по миллиону в месяц я пока не зарабатываю.

Стоило серьезно подумать дабы изобрести что-то альтернативное, дающее возможность и способности реализовать, и на учебу вагон времени не потратить. Пока что получалось откровенно так себе. Я даже решился потратить последние деньги на покупку Моси дневников какого-то доисторического Целителя.

Мы за этот раритет с хозяином гомеопатической аптеки часа два торговались. С меня семь потов сошло, горло сорвал, но все-таки сумел сбить ценник на тетрадь почти вдвое. Видимо, это страх надвигающейся нищеты так сработал, что я этот самый дневник чуть ли не с мясом у Моси вырвал.

Пролистал и лишний раз убедился, как много в этой жизни мне неизвестно. Хотя парочку трюков с помощью Надежды Владимировны я все-таки сумел освоить.

Однако подумать серьезно над своим будущим никак не получается. Как в том детском стишке. То олень позвонит, то тюлень… В иносказательном, естественно, смысле. Назвать тюленем Надежду Владимировну я бы и страшном сне постеснялся. Или побоялся. Жизнь так коротка, не стоит делать ее еще короче. Да и полковник ФСБ Седых на оленя не тянет. Или вот родители…

— Гена, ну что ты расселся? — жажда действий у бати с каждой минутой только прогрессировала. — Давай, бери пилу и начинай. Сам же помочь вызвался!

От такого заявления я чуть воздухом не поперхнулся и даже не нашелся, что ответить. Вызвался? Хорошо еще, не выяснилось, что я с раннего детства мечтал курятники конструировать.

— Мужчины, может быть, пообедаете сначала? — попыталась вклиниться в планы отца мама, но, естественно, потерпела поражение.

— Кто ж работает на полный желудок? — возмутился батя. — Сейчас мы быстренько дело сделаем, а там можно будет и отметить это дело. Правильно, Генка? Ну давай, давай, поднимайся!

Я вздохнул и потянулся за рулеткой, карандашом и ручной пилой. В следующий раз надо более внимательно относиться к звонкам и заранее придумывать, чем я могу быть занят. Никому ж не докажешь, что слова «не занят» означали «я могу говорить», а не готовность выкопать два гектара картошки. Или вон, курятник построить.

Кстати, змейка Дая категорически требовала снять перстень и положить его повыше. Утверждала, что ей необходимо насладиться эпическим зрелищем, которое, возможно, выпало

первый и последний раз в её бесконечной жизни. Впрочем, судя по всему, у нее и так обзор получился хорошим. Дая с удовольствием потешалась над нашими строительными успехами. Заодно рассказывала мне, что на Древней Руси трупы не хоронили, а сжигали, и теперь она прекрасно понимает, почему именно. Потому что если хотя бы половина плотников обладала таким же уровнем криворукости, как я, то лес переводить незачем.

— Соседи, здравствуйте! — раздался от калитки незнакомый голос. — Бог в помощь, как говорится.

Я обернулся и увидел незнакомого мужика, неторопливо бредущего по дорожке. Лет шестидесяти, крепкий, а теперь заметно обрюзгший человек. Типичный дачник-«работяга» с обветренным лицом, сейчас правда неестественно бледным.

Я прищурился и посмотрел на гостя другим, скажем так, целительским взглядом. Благодаря советам Надежды Владимировны это умение постепенно превращалось у меня в привычку, легко позволяя определить, здоров человек или не очень. По крайней мере сейчас я уверенно мог заявить, что человеку плохо. Причем, очень плохо.

Аура мужчины, обычно плотная и светло-зелёная у пожилых людей, сейчас казалась порванной и пульсировала темными вспышками. В моем понимании, это значило, что человеку больно, причем чем темнее вспышка, тем более сильный приступ страданий.

— О, Семеныч, привет! — отец с наслаждением разогнулся, затем потянулся и направился навстречу к соседу, стягивая с рук рабочие перчатки. — Какими судьбами?

— Да вот, — скривился наш гость и тут же присел на лежащую возле дорожки бочку. — Болит что-то, а у меня кроме аспирина под рукой ничего не оказалось. Нет ничего обезболивающего?

— Дык это… Сейчас у жены спрошу, — растерялся отец, а я, наоборот, подскочил к соседу и с умным видом поинтересовался.

— А где именно болит? Конкретное место показать сможете?

Я с умным видом приложил пальцы к шее Семеныча, а затем ещё раз повторил свою просьбу.

— Покажите, где именно вам больно.

— А ты разве доктор? — с удивлением в голосе спросил сосед, но без споров поднял вверх футболку и приложил руку к животу. — Мне кажется, что где-то здесь.

Семеныч замер, как будто прислушиваясь к своим ощущениям, а затем переместил руку ниже.

— Или здесь?!

«Дая, что с ним?» — мысленно обратился я к змейке, понимая, что мои медицинские познания бессильны. В памяти почему-то всплыла школьная медсестра, у которой универсальным лекарством от всех болезней выступал стакан водопроводной воды, причем, не факт, что кипяченой.

«Болит живот? Попей водички! Голова кружится? Попей водички!»

Причем, тот факт, что вода из-под крана, пожилую женщину никогда не смущал. Видимо, засаленный граненый стакан в медкабинете обладал чудодейственными дезинфицирующими свойствами.

— Мне бы «ношпу», — жалобно простонал сосед. — Так-то я аспирина уже две таблетки выпил, но что-то совсем не помогает. Наверное, защемило что-то.

Да он прям знаток. Судя по сказанному, уровень познаний в медицине у нас с мужиком примерно на одном уровне.

«Пузырь лопнул!» — донесся до меня образ из глубин соседского организма.

«Вот ты сейчас вообще не уточнила», — мысленно скривился я, судорожно вспоминая, какими вообще пузырями богато человеческое тело. На ум не приходило ничего, кроме мочевого, но Семеныч явно держал руку выше.

— Семеныч, держись! — раздался бодрый голос отца. — Жена уже ищет!

— Батя, тут похоже таблеткой не обойдешься, — тут же остудил я родительский оптимизм. — Скорую вызывай. И скажи, что ситуация экстренная.

— Да какая скорая, — попытался возмутиться сосед. — Сейчас посижу и отойдет. Первый раз что ли?

— Батя, звони! — повысил я голос. — Срочно!

Спорить отец не стал, тут же взялся за смартфон, набирая 112. Будем надеяться, что скорая приедет быстро.

Я мысленно воспроизвел в голове рукописный текст из блокнота, а затем легонько дунул на Семеныча, параллельно запуская в него небольшой поток энергии. В рукописном дневнике Целителя это действие называлось весьма красочным эпитетом «Пыльца покоя», Надежда Владимировна же попросту говорила «вырубить».

Впрочем, сейчас главное результат. Во сне замедляется пульс, скорость жизнедеятельности всех органов и систем организма. То, что нужно в данной ситуации. Чем медленнее, тем больше времени до критического результата. Семеныч спит, и мы выиграли еще несколько минут его жизни.

— Гена, что с ним? — послышался за спиной испуганный голос мамы. Я аккуратно положил уснувшего соседа на землю и оглянулся в поисках чего-нибудь, что можно пристроить под голову.

— Спит, — коротко ответил я маме. — Ему действительно очень больно, так что сон для него сейчас лучшее лекарство.

— Так что ж тогда он на земле валяется! — возмутился отец. — Не по-человечески это! Давай мы его с тобой хотя бы на крылечко положим. Я думаю, что выдержит наша тахта Семеныча, не развалится совсем.

— Нет! — Возможно, мой голос прозвучал жестко, но я чувствовал, что ситуация близка к критической. — Его сейчас нельзя трогать! Скорая едет?

— Обещали быстро, — вздохнул отец. — А там кто его знает.

Я кивнул и сосредоточился на собственных ощущениях.

«Пузырь какой?» — мысленно спросил я у змейки. — «Делать что надо?»

В ответ в голове возник образ каких-то внутренностей Семеныча, из которого, если честно, я понял не так уж и много. Что-то похожее я видел в интернете, но все равно не мог вспомнить, что именно. Что же за пузырь там лопнул? Почка? Печень? О!!!

Я едва не закричал от радости, радуясь собственной сообразительности. Желчный! Ну, конечно же! Желчный!

— Гена, что ты бормочешь? Говори громче! — судя по всему, что-то я все-таки произнес вслух и весьма обеспокоил родителей, которые по-прежнему стояли у меня за спиной и наверняка внимательно наблюдали за моими действиями, не очень понимая, что происходит.

Но объясняться времени не было. Похоже, Семеныч рискует отправиться в мир иной прямо здесь, у меня на руках. Надо попытаться выиграть для него хотя бы немножко времени.

«Сюда!»

Образ в голове показал уже знакомую картинку какой-то внутренности. Я не увидел, а скорее догадался, что в этом месте произошел надрыв того самого пузыря, и сейчас в живот Семеныча начинает поступать не совсем приятная субстанция.

«А так можно?» — мысленно спросил я у Даи, представляя, как что-то невидимое запихивает содержимое пузыря обратно.

Судя по всему, ответ содержал что-то нецензурное, но явно не запрещающее. Я почувствовал, на лбу выступили крупные капли пота, но боялся отвлечься даже на мгновение, чтобы стереть их. Мне казалось, что удержать желчь внутри это самое важное, что я могу сделать для Семеныча. Надо как-то закрыть отверстие… Вот только как?

— Гена, мы можем тебе как-то помочь? — раздался за спиной нерешительный голос мамы. Я отрицательно помотал головой и услышал, как выругался отец. В чем-то я его понимаю. Ситуация, когда ты ничего не можешь сделать и выступаешь лишь в роли безмолвного наблюдателя настроения не добавляет.

Как закрыть прореху? Скорая явно не будет проводить на земле полостную операцию, а пока Семеныча довезут до больницы, всё содержимое желчного окажется в брюшной полости. Насколько я понимаю, это не просто плохо, а сродни смертельному приговору.

Я отчаянно перебирал в голове все свои небогатые познания, вспоминал работу в госпитале, прочитанное в учебниках и интернете, но пока что не мог придумать, как можно помочь соседу.

«Заплата», — всплыл в голове еще один образ, и я тут же вспомнил запись из дневника Целителя Бориса, того самого, что подарил мне Мося при знакомстве.

Сей прием применять можно и при мелких увечьях, и более серьезных ранениях, но следить за сохранностью Заплаты, дабы все концы ее надежно к коже болезного прилегали…

Совет наверняка был к месту, вот только я эту самую заплатку всего один раз опробовать удосужился, и то наполовину. Мы как раз с Надеждой Владимировной в травматологии моей учебой занимались, и целительница доверила мне длинный порез на ноге заштопать.

Но там то я не один был, и все равно волновался, что где-то накосячить смогу, а сейчас меня подстраховать некому…

Семеныч всхлипнул во сне, а затем… А затем захрапел, как будто просто отдохнуть решил у нас на травке.

«Ну вот и славно», — успокоил я себя. — «Ему уже легчает, значит, вполне можно попробовать».

Сосед спал, и его лицо могло служить наглядной иллюстрацией умиротворения. Бледность ушла, уступив место естественному розовому цвету, грудь вздымалась размеренно. Сосед спал, и во сне он был вне боли и вне страха за свое здоровье. Скорей всего, у нас действительно есть шанс побороться за его жизнь.

«Делай заплату!» — возник в голове требовательный образ от Даи. Судя по всему, ситуация критическая и хуже я уже не сделаю. Наоборот, могу попробовать спасти жизнь соседу.

Я закрыл глаза и сосредоточился на токах энергии.

«Правильно?» — спросил я у змейки, которая сейчас выступала моими глазами внутри организма Семеныча. Получив подтверждение, я принялся медленно вливать энергию, создавая новые клетки. Меня как будто бы унесло в другую реальность, где остались только чувства. Я чувствовал порвавшиеся сосуды, чувствовал каждый миллиметр повреждённой ткани, каждый клокочущий поток крови, готовый прорваться наружу.

Где-то вдалеке наконец послышался рев сирены. Я открыл глаза и едва не упал на бок. Перед глазами все плыло и плясало.

— Гена, ты что? Все в порядке? — я почувствовал руки отца под мышками и наконец решился оторвать руки от тела Семеныча, на котором не осталось и следа от моих манипуляций. Только бледная кожа под застиранной рубахой.

— Это ты в Африке такому массажу научился? — шёпотом спросил отец, глядя на спокойно спящего Семеныча, чьё дыхание стало ровным, а цвет лица — почти нормальным.

— Ага, — хрипло ответил я. — Именно там. Там же нет скорой помощи, только шаманы и массаж. Вроде бы даже получилось.

Я чувствовал себя так, как будто построил разом целых три курятника.

— У него похоже желчный пузырь лопнул, надо сказать врачам.

Я сидел в тени и курил уже вторую сигарету, наблюдая за тем, как соседа грузят на носилки. Семеныч продолжал спать, и судя по всему, заплата пока держалась. Будем надеяться, что теперь он выживет.

«Ты молодец». Змейка давно вернулась на палец, и ее похвала сейчас оказалась весьма приятной. В голове крутилась какая-то мысль, но никак не хотела дать ухватить себя и осмыслить. Что-то в словах отца зацепило и теперь казалось неимоверно важным.

— Скорая говорит, что в Хотьково повезут, — села рядом со мной мама. — Ты у меня такой молодец. Я и не знала, что ты разбираешься в медицине. Твой массаж прям волшебство какое-то.

Вот оно! Массаж!

Я рассмеялся и с наслаждением обнял маму.

— Массаж — это вообще великая вещь, — улыбался я, радуясь, что наконец поймал идею. — Я вот подумал. Может быть, мне свой массажный кабинет открыть?

Глава 2

– Гена, ты шарлатан! И мошенник!

Вот в чем Надежде Владимировне не откажешь, так это в прямоте суждений. И в отсутствии привычки держать камень за пазухой. Что думает/, то и говорит, ни капельки не задумываясь, как на ее слова отреагирует собеседник. Редкое по нынешним временам качество.

Причем я таких людей обожаю. Возможно, кто-то скажет, что излишняя прямота мешает общаться, а вот я никак не соглашусь с этим утверждением. Наоборот, как по мне, так лучше услышать от кого-нибудь типа Надежды Владимировны нелицеприятное утверждение в свой адрес, чем слушать слащавые заверения в вечной любви и преданности, а затем в самый неподходящий момент получить нож в спину. Таких примеров хватает, причем не только со мной, но и с кучей моих знакомых. А с целительницей всё четко и понятно. Даже если наши мысли или представления о жизни не совпадают.

– Я тоже всегда рад вас видеть, – с улыбкой ответил я, выходя из ванной и вытирая руки полотенцем. – Возможно, я даже соглашусь с вашими характеристиками. Однако, глобально, мне кажется, что я всё делаю правильно.

– Да что ты говоришь?! – поудобнее устроилась в кресле Надежда Владимировна. Между прочим, единственном кресле в квартире. И я вообще-то его для себя покупал, но говорить об этом, похоже бесполезно. – Мне даже любопытно сейчас стало. И в чем же состоит твоя правильность?

– Ну как же, – выбор оставался небольшой, поэтому пришлось присаживаться на край массажного стола. – Людям я помогаю? Помогаю! Даром пользуюсь? Пользуюсь! Ещё и денежку зарабатываю, чтобы у мамы с папой на шее не сидеть. Всем хорошо и все довольны. Ну, кроме вас, конечно. Ну тут уж ничего не могу поделать, дело не во мне, а в характере.

Я действительно открыл массажный кабинет, как и собирался. Зарегистрировал ИП, снял квартиру, купил массажный стол и вуаля! Разрешите представиться, Геннадий собственной персоной, бизнесмен новой формации.

Причем, получилось всё гораздо проще, чем мне представлялось изначально. Документы на ИП оформил банк, едва услышав, что я хочу заняться предпринимательской деятельностью. Квартиру мне с радостью сдал однокашник, тем более что охотников на нее давно не было. А клиенты… Сарафанное радио часто работает лучше любой, самой продвинутой рекламы. Стоило мне бесплатно избавить от хронических болей в спине парочку своих приятелей из спецназа, как у меня моментально сформировалась начальная клиентская база. «Тяжелые» же не умеют жить спокойно, вечно что-то травмируют на своих тренировках и учениях. Так что человек, умеющий делать массаж и обладающий привезенной из Африки чудодейственной мазью для многих оказался просто палочкой выручалочкой. Тем более, средство действительно работало выше всяких похвал. Помогало при растяжениях, вывихах, невралгиях и даже с застарелыми травмами справлялось. Главное, не наглеть и не требовать обязательного курса из двадцати посещений.

Технология отладилась практически моментально и менять я в ней ничего не намерен. Дая диагностирует болячку, указывает место, куда мне направить энергию и вуаля! Клиент получает дополнительную порцию здоровья, а я немножко денег.

Я уже почти месяц развлекаюсь с массажем и вот сегодня вдруг в гости заявилась Надежда Владимировна. Я даже спрашивать не стал, откуда она адрес узнала, тем более настроена целительница оказалась весьма решительно. Даже слушать не захотела, что ко мне скоро должен клиент прийти. Уселась на кухне, потребовала сварить ей кофе, а теперь, дождавшись, когда очередной довольный пациент удалится по своим делам, принялась учить меня жизни.

– М-да уж, – покачала головой Надежда Владимировна. – Смотрю я на тебя, Геннадий, и только диву даюсь. Откуда в тебе столько наглости. И ведь самое интересное, ты искренне веришь в свою правоту. Ни стыда, ни совести.

– Так, а что не так-то? – искренне развел я руки в сторону. – Объясните недорослю, где он ошибается.

– Тебе дар для чего дали? – перешла в атаку Надежда Владимировна. – Лапшу людям на уши вешать? Чудодейственная мазь из Африки? Серьезно? Я надеюсь, что ты её людям не из бивня носорога на спины льешь?

– Нет, конечно, – пожал я плечами. – Как и все, из бутыли выдавливаю.

Бутылка с маслом для массажа, правда, была красивая. Мне даже самому нравилась. Я её случайно в интернете нашел. Из темного стекла, пузатая и довольно вместительная. Внутрь свободно содержимое двух флаконов по литру поместилось, и ещё место осталось. Зато для антуража выглядит очень даже солидно, и никто даже не усомнился, что внутри не простое массажное масло из интернет-магазина, а самая настоящее шаманское зелье, привезенное из далекой таинственной Африки.

– Лучше б ты мозги откуда-нибудь выдавил! – сплюнула Надежда Владимировна. – Тогда может быть, для человечества пользы больше было.

– А что не так-то? – я встал и сложил руки на груди. – Разве я кому-нибудь что-то должен? Или не выполнил какого-то обещания?

– Ты учиться собирался, – сбавила тон целительница. – И людей лечить собирался. А вместо это чужие задницы наминаешь.

– А ещё я хочу кушать, – привел я железобетонный, как мне казалось аргумент. – И желательно каждый день. И чаще, чем один раз. А ещё я хочу семью. И квартиру побольше. И машину посолиднее.

– Знаешь, я в религию никогда не ударялась, – ещё тише сказала Надежда Владимировна. – Вот только ты сейчас не о том говоришь. Деньги — это хорошо. Это правильно. Но они не должны становиться целью. В жизни должна быть другая цель. Достойная. И если ты будешь двигаться к ней, то и деньги придут сами. А большинство людей забывает об этом. Они мечтают лишь о деньгах, а затем удивляются, что их мелкие мечты так и остаются грезами.

Надежда Владимировна ушла, а у меня на душе осталось какое-то гадкое ощущение. Как будто я и впрямь кого-то обманул своим выбором.

Наверное, это воспитание. Я привык жить ради кого-то. Долг, честь, Отечество… Меня учили думать сначала о чем-то большом и незримом, а уже затем о личных интересах. И стоило мне уйти в сторону с проторенной дорожки, как недавняя гостья очень быстро нашла болевую точку, на которую можно надавить с высокой степенью эффективности.

Достав из пачки сигарету, я вышел на улицу и уселся покурить прямо на скамейке возле подъезда. Очень хотелось забыть приход Надежды Владимировны, но сделать это оказалось не так просто, как хотелось бы. Чтобы отвлечься, я достал из кармана телефон и позвонил Екатерине. После происшествия в Голицыно наши отношения не то, чтобы прекратились, но зашли в какой-то тупик, из которого мы оба не могли найти выход. Девушка мне нравилась, я чувствовал и с ее стороны симпатию, но дальше совместных прогулок дело почему-то не продвигалось. Мне казалось, что она подсознательно старается держаться от меня подальше, потому что боится попасть в ещё какую-нибудь переделку. Она практически ничего не помнила с того момента, как колдун Князь взял её под свой контроль, но всё-таки иногда какие-то отрывочные воспоминания прорывались наружу и вот тогда ей становилось по-настоящему страшно. Тем более, я тоже не мог рассказать ей всей правды, а услышанные объяснения до конца её не устраивали.

Так что девушка держала меня на расстоянии вытянутой руки, и в чем-то я прекрасно ее понимал.

– Гена привет! – раздался в трубке такой знакомый и уже даже родной голос. – У тебя что-то срочное?

– Да нет, просто соскучился, – как можно беззаботнее ответил я. – Заодно решил уточнить твои планы на вечер. Погуляем?

– С удовольствием, – судя по звукам в динамике, Катя явно куда-то бежала. – Тем более, ты уже давно обещал сводить меня в кино.

– Ну вряд ли очень давно, – непроизвольно улыбнулся я. – Я бы запомнил.

– Гена, давай вечером обсудим, – рассмеялась девушка. – У меня Егорка пытается наесться песка из песочницы и ему очень не нравится, что я не разрешаю так делать. Так этот маленький шалопай зачерпывает песок лопатой и пытается убежать от меня куда подальше, в тихое место, где никто не помешает его вкуснейшей трапезе.

– У-у-у, – представил я подобную квартиру. – Тогда желаю успехов. Главное, обойтись без жертв.

– Здесь всего одна жертва, и это я, – усмехнулась Катя. – По крайней мере, ещё на два часа и сорок две минуты. Всё, я побежала, до вечера.

Кстати, Князь подловил Катю именно на её работе. Оформил заказ и взял девушку под контроль в тот момент, когда она приехала на встречу. Если честно, я думал, что после случившегося Катя завяжет с работой няни, но нет. Её любовь к детям оказалась сильнее страха перед возможной опасностью, тем более, у нее действительно уникальный талант в этой области. Мне кажется, что если бы Катя хотела, то могла бы работать круглосуточно и у нее все равно была бы очередь из желающих. Дети в ее присутствии буквально таяли и превращались в послушных котят на удивление своих родителей. Даже если они баловались, то исключительно потому, что чувствовали, что Катя им позволяет.

Услышав грустный сигнал завершения вызова, я вздохнул и сунул телефон обратно в карман. Разговор с Катей всегда поднимал мне настроение, но сейчас, к сожалению, судьба лишила меня даже такой малости. Конечно, надо подождать всего несколько часов, и мы увидимся, но на самом деле до вечера ещё так далеко…

Сигарета догорела до фильтра, и я покрутил головой в поисках мусорки. Странное дело, мусорки возле подъездов города появлялись и исчезали в соответствии с каким-то весьма причудливым расписанием. Я сам своими глазами видел однажды, как рабочие вкапывали держатели для мусорок, а затем устанавливали на эти кронштейны новенькие салатовые емкости, но ровно через неделю они исчезли. Причем, такое ощущение, что все одновременно и не дольше, чем за пять минут. А их, между прочим, перед этим почти целый день вкапывали.

Впрочем, сокрушаться бессмысленно. Мусорки в радиусе броска не наблюдалось, поэтому я затушил бычок об асфальт и поднялся на ноги, оглядывая окружающую местность в поиске подходящего кладбища для остатков никотиновой палочки.

– Света, Света, не волнуйся, – услышал я смутно знакомый мужской голос. – Ну он же не обещал, что с первого раза поможет. Света, родненькая моя, не плачь!

Я оглянулся в поисках знакомого лица, в то же время пытаясь заставить мозг все-таки идентифицировать голос, но у меня ничего не получалось.

– Любимая, не плачь, – опять раздался тот же голос. Говоривший мужчина показался мне незнакомым, но все-таки мы с ним определенно где-то встречались. Он шел в сопровождении симпатичной, но сильно расстроенной чем-то женщины и нес на руках худенькую маленькую девочку. – Света, мы не должны опускать руки.

Вспомнил! Это же тот мужик, с которым я столкнулся в кабинете лечащего врача. Давно уже правда, сразу же после встречи с Ерохиным. Мне тогда сообщили, что я здоров, а он, наоборот, сильно расстроен был болезнью дочки. Что же с ней такое? Вспоминай, Гена, вспоминай!

Мужик скользнул по мне безразличным взглядом, не узнал и опять переключил внимание на жену с дочкой.

– Денис! – позвал я негромко, увидев, что девочка уснула прямо на руках у отца. – Денис, привет!

– Мы знакомы? – мужчина повернулся ко мне и смотрел на меня с подозрением. – Что нужно?

– Поговорить, – миролюбиво ответил я и кивнул на девочку. – Как малышка? Улучшений нет? Что врачи говорят?

– Мужик, ты кто такой? – теперь в голосе и взгляде Дениса появилась агрессия. – Тебе что от нас нужно?

– Я же сказал уже, поговорить, – поднял я вверх раскрытые ладони. – У тебя дочка болеет, я могу помочь. Выслушай меня!

– Не знаю, что подумал глава семейства, но доброты в его взгляде не прибавилось. Он передал девочку жене и фактически скомандовал:

– Иди домой!

– Денис, успокойся, – растерянно попыталась возразить ему супруга, но тот не стал ее слушать, а только мягко подтолкнул рукой в сторону подъезда. Кстати, практически соседнего с тем, где я снимал квартиру.

– Кто ты такой и что тебе нужно? – повторил вопрос Денис, как только жена с дочкой отошли на несколько шагов.

– Человек, – я видел, что мужчина находится в сильно заведенном состоянии, но все равно не собирался отступать в своем решении. – Мы с тобой познакомились у врача не так давно. Ты ещё жаловался, что я тебе едва руку не сломал. А затем рассказал про больную дочку. Вспомнил?

– Аа-а-а, это ты, – Денис явно немного успокоился, но все равно продолжал смотреть напряженно. – Все равно не очень понятно, что ты от нас хочешь?

– Ты говорил, что у твоей дочки больные легкие, – напомнил я наш последний разговор. – Я могу помочь.

– Ты что, врач? – градус злости в голосе Дениса снова повысился. Он достал из кармана сигареты и нервно закурил. Судя по всему, никотин в последнее время оставался для него единственным способом не сорваться, хотя вряд ли он получал от процесса удовольствие. Особенно если выкуриваешь половину сигареты с первой затяжки.

– Я не врач, – начал было объяснять я, но меня тут же перебили злым выкриком.

– У меня нет денег! Так что заработать на мне явно не получится!

– Стоп! – чуть ли не рявкнул я, но разговор слепого с глухим уже порядком начал напрягать. – Объясняю по пунктам. Я знаю, что у тебя болеет дочь. Я не врач, но я могу помочь. Судя по всему, ты уже многое перепробовал, и сам понимаешь, что ситуация тяжелая. Я не прошу с тебя денег. Моя помощь абсолютно бескорыстна. Считай, что ты сегодня в лотерею выиграл. Все, что от тебя требуется, это поверить мне на слово и дать возможность попробовать.

Денис слушал меня молча, докуривая сигарету частыми и нервными затяжками. Затем прикурил от бычка сразу вторую, выдохнул длинную струю дыма и наконец спросил:

– Ты уверен, что можешь помочь?

– Уверен! – твердо сказал я. – У меня самого было тяжелое заболевание легких. Я его вылечил с помощью мази, которую привез из Африки.

– Мази? – в голосе Дениса вновь послышался скепсис. – Это что, шутка такая?

– Послушай, уважаемый, – я уже понял, как надо разговаривать с этим человеком, поэтому перестал строить из себя добрячка и заниматься подбором вежливых слов. – Ты дурак? У тебя дочь умирает! Мне плевать, как это звучит или выглядит. Я сейчас развернусь и пойду дальше, а ты вернешься домой и будешь смотреть на мучения маленькой девочки.

Вот только от твоей гордости никому не легче. И потом, когда на кладбище будут закапывать могилу, ты вспомнишь мои слова и начнешь волосы в жопе рвать, что не воспользовался шансом. Доходчиво объяснил?

– Доходчиво, – пробурчал Денис. – Просто извини, я уже давно не верю в благотворительность. Мы на врачей все деньги спустили. И на обычных, и на шаманов всяких с бабками знахарками. Даже машину продать пришлось. Только не помогает ничего.

– Ничего страшного, – улыбнулся я. – Я тоже никогда не верил в Деда Мороза, а он взял и пришел однажды.

– Кто? Дед Мороз? – выпучил глаза Денис.

– Ну да, – пожал я плечами. – Мне десять лет было. Я вроде как взрослый, с родителями оливье трескаю и что-то умное изречь пытаюсь, а тут стук в дверь. Не звонок, а именно стук. Папа открывать пошел, а потом кричит такой: «Мама! Гена! Быстрее!» Мы в прихожую бегом, а там Дед Мороз. Все как положено! Шуба не красная, а голубая, в валенках, а позади него вроде как даже дымка от мороза. И он мне тогда перьевую ручку подарил. Представляешь? Никто не знал, а он подарил.

— Чудеса какие-то, — ошарашенно прокомментировал Денис. — Или нет?

— Ну по итогу нет, конечно, — согласился с ним я. — Это дядя Валера был, папин друг. А про ручку мама случайно узнала, подслушала мой разговор с одноклассником. Я и сам не помнил, что рассказывал кому-то о своем желании. Но верить в деда Мороза я до сих пор не перестал. Потому что в тот момент это было самое настоящее чудо, пускай и сотворенное руками моих родителей.

– Я сейчас не очень понимаю, при чем здесь Дед Мороз, – неуверенно произнес Денис. Я с радостью отметил, что в его голосе больше не было агрессии. Только усталость и слабый лучик надежды.

– Я тебе о том, что никогда не знаешь, где и когда может произойти чудо, – пожал я плечами. – Самое главное верить в него и не опускать руки. А уж кто его сотворит и как это чудо будет выглядеть – в сущности не очень важно.

Девочка Аня кашляла так сильно, что меня непроизвольно передернуло от нахлынувших воспоминаний. В памяти всплыли приступы, когда колючий комок внутри горла скребет прямо по внутренностям, а гортань сжимает так сильно, что ты не можешь даже сделать нормального вздоха.

– Вам нужны какие-нибудь снимки, результаты анализов? – тихим голосом поинтересовалась Светлана, мама девочки. Я сидел возле кровати Ани на принесенном специально для меня стуле и поражался, насколько болезнь ребенка может отразиться на общей обстановке квартиры. Здесь буквально каждая вещь была пропитана горем, как будто в доме попросту забыли про солнце и улыбку.

– Ещё мы ходили к колдуну четвертого круга посвящения, – смущенно, словно извиняясь за какой-то проступок, поведал мне Денис. – Он нам гороскоп болезни составлял. Могу его показать.

– Нет-нет, это пока не понадобится. Если можно, принесите полотенце, смоченное теплой водой, и стакан, нет, два стакана питьевой воды, – на ходу придумал я повод отвлечь родителей от наблюдения за моими действиями.

Змейка послушно скользнула внутрь детского тела и в моей голове немедленно начали всплывать образы болезни.

Где же девочка могла подцепить такую заразу? Я машинально втирал ей в грудь массажное масло, стараясь не сильно морщиться при виде черноты, которую транслировала Дая. Причем, если я правильно понимаю, то болезнь поразила не только легкие, то и другие органы. Впрочем, делать нечего, назвался груздем…

Я закрыл глаза и постарался сосредоточиться. Дая почему-то мешкала и не показывала мне конкретное место, куда стоит направить живительную энергию.

«Опасность!»

А вот с таким я ещё не сталкивался. Впервые змейка не только не помогала мне лечить больного, но и напротив, категорически возражала против моего вмешательства.

«Я не могу распознать природу заболевания», – расшифровал я послание змейки. – «Ты можешь пострадать при лечении».

«И что теперь?» – возмутился я мысленно. – «Бросить ребенка умирать?»

«Надо разобраться, это может быть опасно», – пришел ответ практически через минуту. Я почувствовал, что кольцо вернулось на палец, и немного растерялся от происходящего. Мой питомец бунтовал, и я плохо представлял, что именно надо делать в сложившейся ситуации.

«Это не просто болезнь», – прокомментировала свое поведение змейка. – «Тебе надо подумать и о своей безопасности».

«Обязательно», – ответил я, а затем начал накачивать Аню энергией. Я делал это вслепую, поэтому просто гнал в девочку потоки силы, пытаясь активизировать ее иммунитет.

«Она слишком слаба», – донеслось сообщение змейки. – «Её организм истощился и уже не в состоянии бороться с болезнью».

В этот раз я промолчал. Я чувствовал, что дал волю эмоциям и перешел черту, о которой было написано в дневнике Целителя. Старая потрепанная книжечка обошлась мне в уйму денег, но содержала действительно бесценные практические советы. «Настоящий Целитель всего лишь сосуд, который не должен оставаться пустым, потому что никто не знает, как и когда в нем появляется содержимое. Пустой сосуд может треснуть или даже разрушиться, а там и до конца самого Целителя недалече…»

Я чувствовал, что отдаю энергии больше, чем могу себе позволить, тем более что и так изрядно сегодня потратился на двух пациентов с больными спинами. Аура Ани представляла дуршлаг, через прорехи которого утекала большая часть моих усилий, но в то же время я видел, что не все мои усилия пропадают зря. Щеки девочки порозовели, дыхание выровнялось, а кашля уже несколько минут не было слышно. Если не вылечить, то подарить ей и ее родителям немного спокойных минут я в состоянии.

«Остановись!» – буквально заголосила змейка, а затем мое тело пронзила внезапная резкая боль. Я вскрикнул и оторвал руки от девочки. Ощущение, будто я целые сутки вагоны с углем разгружал. Руки дрожали, сил встать со стула не было, а из-под кольца потекла тоненькая струйка крови.

Я с жадностью выпил стоящий рядом на тумбочке стакан воды и посмотрел на спящую девочку.

– Наверное, я всё-таки обманул вас, – с огромным трудом нашел я в себе силы повернуться к родителям. – Одним моим визитом дело не ограничится. Но думаю, что, когда Аня проснется, вы увидите плоды моих стараний.

– У вас кровь, – протянула Светлана мне влажное полотенце. Я промокнул кровь на пальце и увидел на губах матери слабую улыбку и понял, что в чем-то Надежда Владимировна была права. Такие эмоции невозможно измерить любыми деньгами.

– Геннадий, ты себя хорошо чувствуешь? – донесся до ваты будто бы через вату голос Дениса. – Сядь на стул пожалуйста. Может быть тебе ещё воды?

Я с трудом шевелил руками, но искренне не понимал беспокойство мужчины. Ему бы сейчас не обо мне, а о дочери думать.

– Что-то не так? – кое как прошептал я и увидел испуганные лица Дениса со Светланой. – Что происходит?

Родители девочки что-то говорили мне, но я их уже не слышал. Происходящее напоминало немое кино, но сообщение змейки расставило всё по своим местам,

«Гена, ты надорвался. У тебя кровь из ушей идет!»

Глава 3

Как же надоела эта капча в Интернете! Может быть, я просто что-то не так делаю? Нормальный же, вроде, вопрос — как избавиться от сгустков крови в ушах? Почему система считает, что нормальный человек не может задавать такие вопросы? У меня уши забиты, а капча требует доказать, что я не робот, и я сижу и тупо вглядываюсь в размытые изображения светофоров и автобусов, пытаясь угадать, где там хоть что-то похожее на правду.

Впрочем, это меньшая из проблем по сравнению с теми страхами, которых я натерпелся за последние несколько часов. В первые минуты, когда я понял, что у меня из носа и ушей кровь течет, так чуть ли паническая атака не началась. Честно скажу — было реально страшно. Кровь горячая, течет по шее, за воротник, а ты стоишь перед чужими людьми и не знаешь, что делать. Мне потребовалось прям серьезно напрячься, чтобы изобразить, как будто ничего особенного не происходит и так просто задумано.

Родители несчастной девочки и без моих нервов достаточно перепугались, так что масла в огонь подливать не стоило, поэтому я с умным видом покивал головой, кое-как обтерся полотенцем и, прихватив его с собой, банально откланялся, пообещав позвонить при ближайшей возможности. Помню, как шел к выходу, чувствуя на спине их испуганные взгляды, и молился только об одном — не грохнуться в обморок прямо в прихожей. Вышел на улицу, сделал несколько глубоких вдохов, и только тогда позволил себе немного расслабиться.

Это уже потом, дома, стоя под холодным душем, я вспомнил, что вроде как я теперь Целитель и на мне всё само собой заживать должно. Вода ледяными струями стекала по лицу, смывая остатки запекшейся крови, а я стоял и тупо смотрел в кафельную стену, пытаясь осознать: неужели это правда? Неужели я теперь такой? Видимо, для осознания статуса и возможностей требуется время. И опыт практических экспериментов.

Так что к тому моменту, как начал восстанавливаться слух, я уже вовсю прикидывал эксперименты с отрубанием пальца и фиксацией процесса его повторного отращивания. Вроде бы простой вопрос, а столько нюансов… Какой палец наименее полезен и без него можно обойтись, если что-то не получится? Мизинец, наверное. Им даже печатать на клавиатуре не очень удобно. Хотя нет, мизинец нужен для хвата, для равновесия. Может быть, безымянный? Но на нем кольцо носят, хотя я не женат, так что без разницы.

А если не отрастет? Если регенерация сработает только на повреждения, а не на ампутацию? Как быстро отрастет палец? За час? За день? За неделю? Можно записывать процесс на камеру мобильного или проще каждый день делать новую фотографию? А если больно будет? Я же Целитель, я должен боль терпеть, но вдруг организм решит, что это не боль, а сигнал к регенерации?

Только вытеревшись полотенцем и сварив самый крепкий кофе, на который только способна моя кофеварка, я понял, что последние полчаса мой мозг занимался производством исключительного бреда. Я сидел на кухне, сжимая в руках горячую кружку, и пытался понять, какого черта меня вообще понесло в эти дебри.

Какие пальцы? Какая ампутация? Я что, совсем с ума сошел? Единственное, что хоть как-то примиряло меня с действительностью, это воспоминания о том, что чаще всего мозг так и ведет себя в стрессовых ситуациях. Условно говоря, защитная реакция, чтобы не сойти с ума и не взорваться от перенапряжения. Он переключается на какую-то фигню, на технические детали, на псевдорациональные рассуждения, лишь бы не думать о реальной угрозе, о страхе, о том, что могло случиться что-то непоправимое.

Я решил, что надо как-то отвлечься от нахлынувшего бреда, поэтому достал из кармана телефон и набрал номер Дениса. Руки немного дрожали — то ли от кофеина, то ли от пере-

житого стресса, то ли от того и другого вместе. Гудки тянулись бесконечно долго. Наконец в трубке щелкнуло.

— Как дочка? — осведомился я, услышав в динамике уставший мужской голос.

— Спит, — настороженно ответил собеседник. Пауза затянулась, а потом он добавил, явно подбирая слова: — Эммм… А как твое… ваше самочувствие?

— Ничего страшного, — постарался успокоить я мужчину. Голос у меня, кажется, звучал вполне убедительно. — Просто немного не рассчитал свои силы.

— Мы с супругой, если честно, сильно испугались, — взволнованно заговорил в трубку Денис. — У вас в какой-то момент такое лицо было, как будто боль невыносимая. Мы уж думали, «скорую» вызывать нужно. Жена сказала, что так занервничала, что чуть было рыдать не начала… Думала, что вы сейчас сознание потеряете или вообще того… Извините, если что не так.

— Повторяю, ничего страшного, — с нажимом ответил я, понимая, что сейчас главное — не дать ему уйти в панику. Если он начнет себя винить, это никому не поможет. — И давай все-таки перейдем на ты. С чего вдруг ты мне выкать взялся? Мы же вроде нормально общались, без лишнего политеса.

— Ну так как же? — стушевался отец девочки. Я прямо представил, как он переминается с ноги на ногу где-то там, у себя в коридоре. — Вы… Ты же лечить взялся. Неудобно как-то… Такое дело серьезное, а я на ты…

— Глупости, — непроизвольно поморщился я. — Наоборот, вы с женой меня так в неловкое положение ставите. Я что вам, светило медицины? Профессор с академическими регалиями, лауреат Нобелевской премии? Нет, я просто человек, который решил помочь. И мне, честно говоря, гораздо приятнее, когда со мной общаются по-человечески, без этих ваших церемоний. Давай лучше вот что обсудим. У вас когда очередное обследование дочки назначено?

— Так не было никаких планов, — по голосу было слышно, что мужчина растерялся еще сильнее. Он даже как-то сник, будто я спросил о чем-то постыдном. — Мы и так уже всех возможных врачей прошли. И платных, и бесплатных. Даже к бабкам каким-то ездили, в соседнюю область. Толку ноль, а потратили всё, что можно… Ты не подумай, мы тебя отблагодарим… Просто…

— Да я-то здесь причем? — перебил я Дениса, чувствуя, как внутри что-то неприятно сжимается, как будто меня обвинили в чем-то постыдном. — Давай сначала о девочке подумаем, а ууж потом про благодарности. Но думаю, что больших затрат сейчас не потребуется. Сделайте просто КТ легких, чтобы понимать, есть положительная динамика или нет. Сегодня вряд ли усеете, а вот завтра или послезавтра обязательно. Дадим организму время переварить мое воздействие. Пусть все процессы устаканятся, тогда результат будет более показательным.

— Геннадий, — мужчина помялся, как будто подбирая слова. Я слышал, как он дышит в трубку — тяжело, с хрипотцой. — А что ты сделал то? Ну серьезно, мы с женой всю ночь проговорили, так и не поняли. Вроде мазь какая-то, но мазь так не действует. Она же просто втирается, а тут… Ты сам чуть концы не отдал. Объясни, ради бога, чтобы мы хоть понимали.

— Это сложно объяснить, — ушел я от прямого ответа, на ходу сочиняя более-менее правдоподобную небылицу. Врать не люблю, но правду говорить пока рано. — Просто мазь, которую я втирал девочке, обладает очень сложным составом. Там всякие витамины, микроэлементы, которые стимулируют иммунитет на борьбу с болезнью. Я сам ее готовил, по старым рецептам. Там такие компоненты, что организм начинает работать в усиленном режиме. Ну а мне, как проводнику, достается побочка.

— А почему у тебя кровь пошла? — не успокаивался мой собеседник. Чувствовалось, что просто так он не отстанет. — Из носа и ушей — это ж не просто так. Это ж давление наверняка скакнуло или сосуды лопнули. Ты бы проверился сам, Геннадий. Не шути с этим.

— Я ж говорю, перенапрягся, — продолжал заливаться я соловьем, уже сам начиная верить в свою легенду. — У меня когда-то давно контузия была. Вот и мучаюсь неконтролируемо. Чуть-чуть давление поднялось — и получите распишитесь. Сосуды слабые, врачи говорили, что всю жизнь теперь с этим жить. А тут такая нагрузка на организм — я ж не просто мазь втирал, я еще и энергетически подпитывал, так сказать. Ну и перестарался маленько.

— А, контузия, — с уважением в голосе протянул Денис. Я прямо увидел, как он понимающе кивает. — Тогда понятно. У моего дядьки тоже контузия была, после Чечни. Так у него тоже приступы случались, иной раз так дергало, что страшно смотреть. Ты держись там, Геннадий. Если что — обращайся. Мы теперь вроде как должники перед тобой.

Я давно заметил, что слово «контузия» обладает в представлении окружающих каким-то мистическим ореолом, и поэтому на нее можно списать практически всё, что угодно. Впрочем, штука это действительно неприятная, и с головой и правда начинаются большие проблемы. Я сам видел ребят после контузий — они потом годами восстанавливались, а некоторые так и не пришли в норму. Так что моя легенда была не так уж далека от реальности.

Мы попрощались, и я завершил звонок. Некоторое время сидел, глядя в одну точку, а затем решительно встал и пошел на улицу. Надо проветриться, размять ноги, заодно и в магазин зайти за продуктами. Холодильник уже который день сиял пустотой, а питаться всухомятку надоело.

Я шел по улице, чувствуя на душе удовлетворение от сделанного. Если девочка выздоровеет, то уже жизнь прожита не зря. А может быть и долг Трояну скостить получится. В конце концов, это же действительно несправедливо, когда болеют дети, маленькие и беззащитные.

Странно все-таки устроена наша жизнь: еще вчера я был обычным парнем без особых талантов, а сегодня — целитель, который может лечить неизлечимо больных людей. Правда, ценой собственного здоровья, но это уже детали.

А еще у меня изменились вкусы. Я это отчетливо понял, пока бродил между стеллажей продуктового магазина. Долго прикидывал, что именно хочу приготовить, потом плюнул на всё и взял две пачки пельменей, яйца и сосиски. Беспроигрышный и всепогодный вариант.

— Геннадий, подождите! — окликнули меня, когда я уже практически подошел к подъезду. Что-то я становлюсь всё более и более популярным, хотя не могу сказать, что всегда мечтал о чем-то подобном. С другой стороны, в моей ситуации каждая ложка популярности увеличивает мой статус и повышает стоимость за услуги. Кушать, знаете ли, хочется регулярно, а ценники в магазине совсем не благотворительные.

За спиной оказался весьма высокий и широкоплечий юноша с лицом, как говорится, не сильно обезображенным интеллектом. Ему бы кожанку со спортивными штанами, так типичный «браток» из девяностых, именно такой, как их любит рисовать отечественный кинематограф.

— С вами хотят поговорить, — негромко произнес юноша и завис в пространстве, то ли вспоминая следующую реплику, то ли ожидая от меня приступ щенячьей радости.

— Бывает, — пожал я плечами. — А кто именно хочет?

Похоже, мой ответ не укладывался в какую-то заранее записанную программу на его подкорке, потому что внятного ответа изобразить юноша не сумел. Он растерянно оглянулся куда-то назад, затем недоуменно посмотрел на меня и после некоторой заминки всё-таки сумел выдавить из себя:

— Шеф!

Я посмотрел в том направлении, куда он оборачивался, и увидел машину, которая по стоимости явно обгоняла стоимость моей квартиры, причем раза в два, не меньше. Однако… Последний раз мое общение с богатыми людьми закончилось на не очень позитивной ноте.

Судя по всему, неведомый пока мне шеф планировал, что я сяду к нему в машину, но я продолжал стоять с самым независимым видом, а перекаченный юноша явно не знал, что

делать дальше. Наконец в его мозгу что-то щелкнуло, и он легкой трусцой побежал в сторону автомобиля, а затем почтительно, чуть ли не с поклоном, распахнул заднюю дверцу.

Неожиданный спектакль пока не забавлял, но явно поднимал мне настроение, так что я с интересом продолжил наблюдать за происходящим.

Из припаркованного джипа миру явил себя весьма чопорно одетый господин, от вида которого мне захотелось повертеть головой и поискать солдат почетного караула. Слишком уж он был… правильным, что ли. Слишком вылизанный, слишком идеальный, слишком явно демонстрирующий свой статус.

Костюм-тройка, идеально сидящий по весьма неидеальной фигуре. Яркий шейный платок, выглядящий весьма дорого и претенциозно. Холеное лицо с гримасой презрительного превосходства — это уж поверьте мне, именно превосходства, на золотых приисках и не таких физиономий насмотришься. А уж какую трость он держал в руках… Явно не из ближайшей аптеки дешевая палка, а очень качественное изделие, причем, ни капельки не удивлюсь, если сделанное на заказ.

Прям чувствуется уровень «важного господина», особенно, если учитывать телохранителя, моментально пристроившегося за правым плечом хозяина. Молчаливый, сосредоточенный, с глазами, которые сканируют все вокруг с профессиональной дотошностью. Совсем другой уровень в отличии от недавно беседовавшего со мной юноши, который, кстати, так и остался стоять возле автомобиля.

Похоже, что мое поведение «важного господина», как минимум, не обрадовало, но он все-таки решил снизойти до меня и подойти с таким видом, как будто он делал мне и всем окружающим величайшее одолжение.

— Я так понимаю, что вы Геннадий, — то ли спросил, то ли просто решил удостовериться мужчина, остановившись в паре шагов от меня. Интонация оказалась под стать внешнему виду, как будто этот человек искренне считал, что все окружающие должны быть в курсе, и кто он такой, и обязательно радоваться вниманию столь выдающегося человека.

Впрочем, терпкий запах дорогого парфюма долетел до меня и с такого расстояния. Пахло чем-то французским, с нотками бергамота и сандала. А у бодигарда, судя по всему, обоняние атрофировано, иначе как он может спокойно так близко находиться. Хотя, если судить по взгляду, так охранник вообще может оказаться не человеком, а андроидом. Абсолютно пустой, ничего не выражающий взгляд.

А вот взгляд мужчины в костюме мне не понравился гораздо больше. Темно-карие глаза смотрели на меня с укором, и я бы даже сказал, с недовольством. Не понимаю, что именно не так? Я недостаточно быстро на вопрос ответил? Слишком вольготно стою? Недостаточно подобострастно на него смотрю? Ну так я отвечу, мне несложно. Только вот лебезить перед ним не собираюсь.

— Здравствуйте, — решил для начала я вести беседу предельно вежливо, но без заискивания. Голос держал ровным, спокойным. — Я действительно Геннадий, но вот вас, увы, я не знаю. И, признаться, не припомню, чтобы мы были знакомы. Чем обязан?

— Алексей Борисович, — немного растягивая гласные, протянул мой собеседник. Его глаза буквально ощупывали каждый сантиметр моего тела, как будто он что-то искал, но никак не мог найти. Ощущение было неприятное — как будто тебя раздевают и рассматривают под микроскопом. — Можно просто Алексей Борисович. Хотя некоторые предпочитают обращаться ко мне «господин Буторин», но я не настаиваю.

— Очень приятно, — чуть наклонил я голову вправо, решив тоже поразглядывать собеседника. Пусть знает, что я не робею. — Слушаю вас внимательно, Алексей Борисович. У вас, надо полагать, какое-то дело ко мне?

— Это очень хорошо, — дернул уголком рта Алексей Борисович. Жест был едва заметным, но я уловил — усмешка, смешанная с раздражением. — Слушайте внимательно, молодой человек. Дважды я повторять не буду. Цените мое время и свое тоже.

Даже так? Теперь мне действительно стало интересно. Я даже немного подался вперед, всем видом изображая готовность внимать. Пусть думает, что я действительно испугался.

— В этом городе лечением занимаюсь только я и мои люди, — понизив голос, чуть ли не прорычал Алексей Борисович. В его интонациях появились металлические нотки, как у прокурора, зачитывающего обвинение. — Только я, и больше никто. Это не просто мое желание, это система, которая сложилась годами. Так что собирай манатки и уезжай из города. Прямо сегодня. Чем быстрее, тем лучше для всех. Я даже готов компенсировать расходы на переезд — в разумных пределах, естественно.

— Дяденька, миленький, что вы такое говорите! — скорчил я испуганную гримасу и для убедительности даже руками всплеснул. Получилось, кажется, довольно комично. — Вот так вот взять и уехать? А почему, не объясните? Я человек простой, мне с формулировками надо, чтобы понятно было. А то вдруг я не то пойму и уеду не туда?

— А мне показалось, что ты умный, — неодобрительно покачал головой мужчина. На его лице явственно читалось разочарование — то ли во мне, то ли в собственных ожиданиях. — Очень жаль, если я ошибся. Люди работают, помогают другим людям, создали систему, вложили в нее силы, время, деньги. И вдруг появляешься ты! Лезешь, куда тебя не звали, мешаешь, перебиваешь клиентуру… Так нельзя! По доброте душевной я позволю тебе просто уехать из города, но жить рядом ты не будешь! Это понятно?

— О как, — пазл в голове сложился окончательно. Теперь я понял, кто передо мной и чего он хочет. Местный монополист, решивший, что весь рынок целительских услуг принадлежит ему по праву. — То есть какие-то шарлатаны смотрели за мучениями маленькой девочки и параллельно тянули деньги с ее родителей, выкачивали последние копейки, обещая золотые горы, а тут пришел я и всё испортил? В этом проблема? Вы из-за денег переживаете или из-за репутации?

— Проблема в том, что существует система правил, — поморщился Алексей Борисович так, будто я сказал матерное слово в приличном обществе. — И ты не имеешь права ломать ее своими безрассудными действиями. Это не просто мои хотелки, это механизм, который работает и приносит пользу многим людям. А любой механизм требует ухода и смазки. Смазкой, если по-простому, являются деньги.

— Не-не-не, — покачал я указательным пальцем в воздухе, глядя ему прямо в глаза. Мне вдруг стало абсолютно все равно, кто он и какие у него связи. — Я целитель и мой долг лечить людей. В этом и заключается суть системы. А зарабатывать на этом или нет — это уже частности, дело каждого. Вы и так оставили родителей девочки практически без копейки. Они вам последнее отдали, а результата не получили. И теперь вы мне будете рассказывать про какую-то справедливость?

— Очаровательный романтизм, — скривился мужчина так, будто лимон разжевал. — Ты в каком времени живешь, Гена? Твоя наивность прекрасно смотрелась бы лет сто назад. В те времена как раз-таки было модно говорить о бескорыстии и всеобщем братстве… Хотя, правды ради, умные люди и тогда встречались, просто старались не высовываться и не слишком открыто декларировать свои взгляды. Но сейчас совсем другие времена, в которых такие, как ты не выживают. Время сентиментальных одиночек прошло и это факт, с которым нельзя не считаться.

— Очень любопытно, но малоинформативно, — пожал я плечами. — Если всё так. Как вы мне сейчас говорите, то я тем более не понимаю сути нашего разговора. Чем вам может помешать человек, который все-равно скоро вымрет, как мамонт?

— Потому что в данный момент ты мешаешь, — слегка повысил голос Алексей Борисович. — Вылечить всех у тебя всё равно не получится, а значит своими действиями ты подрываешь принципы уже существующей системы, которая предоставляет спектр самых разнообразных услуг. У нас есть тарифы, страховка, рассрочка, скидки для постоянных клиентов. Я забочусь о людях, которые на меня работают, а это тоже требует регулярных вложений.

— Алексей Борисович, вы сейчас серьезно? — мне показалось, что я стал участником какого-то дешевого спектакля. — Мы про жизнь маленькой девочки говорим. Какие страховки? Какая экономика? Вы вообще слышите себя? Девочка умирала, а вы тут про тарифы рассуждаете!

— Геннадий, вы, наверное, меня не услышали, — было видно, что мой собеседник начинает терять терпение. На скулах заходили желваки, голос стал жестче. — Я же объясняю, что это система. А вы одиночка. И ни один одиночка не сможет победить систему. Это закон жизни, такой же незыблемый, как закон всемирного тяготения. Вы можете прыгать с крыши сколько угодно, но рано или поздно упадете.

— Ого, — не смог сдержать я ухмылки. Ситуация начала меня забавлять, несмотря на всю ее серьезность. — Это что же? Вы мне угрожаете? Типа если я не уеду, то со мной что-то случится? Несчастный случай? Наезд машины? Внезапная болезнь?

— Ни в коем случае, — развел руки в стороны Алексей Борисович, изображая открытость и доброжелательность. Выглядело это фальшиво до зубовного скрежета. — Просто-напросто предупреждаю как старший товарищ. И если вы думаете, что вам помогут ваши высокопоставленные знакомые, то я вас расстрою… Система все равно окажется сильнее. У нас связи в самых разных местах. Очень разных. И поверьте, мы умеем быть благодарными и настойчивыми.

— Тогда я тем более не понимаю, в чем причины вашего беспокойства, — в свою очередь пожал я плечами, стараясь выглядеть максимально беззаботно. — Повторюсь, если верить вашим словам, то буквально через пару месяцев вы ничего обо мне не услышите. Я сам уеду, растворюсь, исчезну с радаров. Зачем напрягаться, тратить ресурсы, если можно просто подождать? Или вы не умеете ждать?

— Оригинально, — с любопытством взглянул на меня мужчина. Кажется, я его немного удивил. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение, хотя, может, мне просто показалось. — Я уважаю ваше чувство собственного достоинства. Наверное, сейчас вы чувствуете себя героем, стойко отстаивающим свои принципы и жизненную позицию. Этакий Робин Гуд в мире целительства. Но это глупо, молодой человек. И думаю, что очень скоро вы обязательно в этом убедитесь. Другой вопрос, насколько болезненным может стать процесс озарения. Можно по-хорошему, а можно и по-плохому. Выбирать вам.

— Мммм, — усмехнулся я, чувствуя, как внутри разливается какое-то дурацкое веселье. — Наше общение прогрессирует всё сильнее. Начали с угроз, а в результате дошли до комплиментов. Сначала я был просто помехой, а теперь уже герой с чувством собственного достоинства. Приятно, черт возьми. Может, еще чаю попьем и обсудим мои дальнейшие перспективы?

— А вы рассчитывали, что я вас бить буду? — попытался изобразить на лице улыбку Алексей Борисович. Получилась кривовато, но старание засчитывается. — Так подобные методы давно не в моде. Слишком примитивно, слишком шумно, слишком много последствий. Тем более, у вас тоже целительские способности, так что нанести физический урон вам можно, но результат не воспоследует. Или воспоследует, но не тот, который нам нужен. Мы люди современные, используем современные методы.

— И? — заинтересовался я, подаваясь чуть вперед. — Как же тогда заставить меня плясать под вашу дудку? Уговаривать? Или шантажировать? У меня, знаете ли, нет ни жены, ни детей, ни даже кота. Шантажировать меня нечем. Родители далеко, живут своей жизнью, им на меня плевать. Друзья? Есть парочка, но их вы вряд ли достанете.

— А уж это как получится, — вот теперь улыбка мужчины натурально напоминала оскал рептилии. Холодный, расчетливый, пугающий. — Геннадий, я предложил вам самый простой и в то же время самый правильный вариант решения проблемы. Вы молодой, семьи нет, обязательств нет, кредитов, судя по всему, тоже. Я не вижу проблем в том, чтобы начать жизнь с чистого листа на новом месте. Тем более, целителей по стране действительно не хватает. Вон в Сибири какие очереди, люди годами ждут. Поезжайте, помогайте, зарабатывайте, никто слова не скажет. А здесь — мое. Здесь я работаю. Здесь мои клиенты, моя кормовая база.

— Ну а почему тогда именно я должен подвинуться? — меня охватил приступ необъяснимого веселья. Скорей всего, нервный мандраж просто проявляться начал именно в виде смеха. С другой стороны, я действительно не боялся. Ну что они мне сделают? Убьют? Нерационально. Покалечат? Так уже выяснили, что это бесполезно. Подставят? Я не настолько важная персона, чтобы подставлять. А всё остальное мелочи жизни, которые пройдут достаточно быстро, история с ушами только что это наглядно доказала.

Зато если маленькой девочке действительно стало лучше, то я уже, как минимум, не зря прожил жизнь. Надо, кстати, позвонить и поинтересоваться результатами.

— Алексей Борисович, предлагаю компромисс, — вежливо предложил я, глядя на озадаченное лицо мужчины. Похоже, он не ожидал, что после всех его угроз я буду предлагать диалог. — Мы просто живем спокойно и делаем вид, что не знаем о существовании друг друга. Я не собираюсь отбирать у вас клиентуру, честно. Мне не нужны богатенькие буратино, готовые платить за сомнительные услуги. Мне интересны те, кому действительно нужна помощь и кто не может себе позволить ваши тарифы. Ну а если вдруг случайно вылечу кого-то из ваших клиентов, то заранее извините. Не со зла, просто так совпадет.

— То есть вы заранее предупреждаете меня, что планируете отбирать у меня деньги, и считаете, что в этом ничего страшного? — потемнели глаза моего собеседника. Краска схлынула с его лица, оставляя лишь бледную маску с двумя черными провалами глаз. — Вы вообще понимаете, что говорите?

— Я говорю, что буду лечить людей, — спокойно ответил я, глядя ему в глаза. — А ваши проблемы с деньгами и системой — это ваши проблемы, не мои. Если ваша система рухнет от того, что какой-то парень вылечил безнадежного ребенка бесплатно, значит, система была дерьмовой. И нечего на зеркало пенять.

Наступила тишина. Такая густая, что ее можно было резать ножом. Алексей Борисович смотрел на меня с каким-то новым выражением — смесью ярости и уважения. Охранник за его спиной чуть сместил центр тяжести, готовясь к действию. Но хозяин жестом остановил его.

— Вы пожалеете, — тихо сказал он. — Не сегодня, не завтра, но пожалеете. И когда это случится, вспомните наш разговор.

— Обязательно, — кивнул я с улыбкой. — А вы, когда будете считать свою выручку, вспомните, что где-то есть люди, которым ваши деньги не нужны. Потому что они нужны только вам. Всего доброго, Алексей Борисович. Приятно было познакомиться, хоть и не очень.

В кармане завибрировал телефон. Я достал — сообщение от Дениса: «Геннадий, мы не выдержали и поехали в медцентр сегодня. КТ показало улучшения!!! Врачи в шоке и говорят, что такого не бывает!!!».

Я улыбнулся и убрал телефон в карман. Буторин смотрел на меня, как будто ожидая, что я как-то прокомментирую полученное сообщение.

– Вот видите, Алексей Борисович. Девочке стало лучше! Так что поищите источник заработка в другом месте, этого ребенка я вытащу и вы ничего с этим не сделаете!

Я ожидал очередного взрыва эмоций, угроз, ругательств, но вместо этого мужчина молча повернулся ко мне спиной и пошел в автомобилю. Я смотрел ему вслед, понимая, что только что нажил себе ещё одну проблему. Впрочем, плевать с высокой колокольни…

Глава 4

В моей голове появилось странное желание послать всех в одно место. Понимаю, что это невежливо, да и весь мир вряд ли виноват в моей усталости, но желание то никуда не делось. А иногда так хочется немножко поддаться эмоциям.

Я стоял на тротуаре, провожая взглядом машину Буторина и сжимая в кармане телефон, который, казалось, был ещё немножечко теплым от сообщения Дениса. Как ни странно, меня потряхивало. Судя по всему, как я не пытался, разговор с «этим важным господином» дался мне не так легко, как хотелось бы, поэтому остатки адреналина таяли, вытягивая последние силы. Как-то задела меня эта наглая уверенность человека, считающего, что может себе позволить вершить чужие судьбы.

Я достал сигарету и, прикурив, затянулся максимально глубоко. Ну не пить же, в самом деле. Недостатки порядочного Целителя должны быть социально приемлемы. Тем более, последствия никотина мой организм переживет, а вот алкоголь в лошадиных дозах едва ли.

В голове зашумело, как будто я не курил уже целую вечность. Попытался вспомнить, когда последний раз ел и с горечью признал, что не знаю. Я посмотрел на руки и заметил, что они немного подрагивают.

«Надо на всё плюнуть и лечь спать», — подумал я. — «Утром мне обязательно станет спокойней. В конце концов, каждый меняет мир настолько, насколько это возможно и по силам. В конце концов, что это первый Буторин в моей жизни?»

Пакет с пельменями всё ещё болтался в руке, как бы напоминая, что кто-то вообще-то поесть собирался. Я докурил, затушил бычок о край урны и побрел к подъезду. Интересно, господин Седых в курсе существования господина Буторина и целительской мафии? Скорей всего да, другой вопрос в том, насколько их существование поддерживает сложившуюся экосистему.

Квартира встретила меня запахом кофе, который я сварил несколько часов назад и недовольной мордочкой Емели.

— Мне кажется, что ты как-то плохо о себе заботишься, — заявил с порога домовой, принимая воинственный вид. — В ванной кровь, полотенце тоже испачкано. Если тебе нужна помощь, то почему ты ничего не сказал мне или дедушке?

— Здрасьте — приехали, — я сбросил кроссовки и прошел мимо домового на кухню, как будто был один в квартире. Достал продукты из пакета и задумался, чего все-таки хочу больше — поесть или поспать?

— Геннадий, — позвал меня Емеля. — Вообще-то игнорировать меня невежливо.

— Что вы такое говорите, — всем телом повернулся я к домовому. — А предъявлять мне претензии вместо здрасьте — это вежливо? Я вроде бы к себе домой, а не к тебе вломился.

Судя по исказившейся мордочке, Емелю мои слова смутили, причем, изрядно.

— Извини, — буркнул домовой. — Я просто очень испугался, увидев кровь. Мог бы хотя бы записку оставить, что всё в порядке. Дедушка почувствовал запах твоей крови, послал меня проверить, а здесь бардак и грязные вещи повсюду. Что я должен был подумать?

Вот теперь мне стало неудобно. Если честно, я и подумать не мог, что домовой за меня так сильно переживать будет. За последнее время как-то отвык, что за меня переживает кто-то, кроме родителей.

— У меня просто пошла кровь, — сказал я примирительным тоном. — Я торопился, поэтому и не навёл порядок. Мне правда даже в голову не пришло, что ты здесь появишься и начнёшь переживать о моем самочувствии. Все-таки, я уже взрослый мальчик, так что обо мне особо никто не переживает в последнее время.

— Я тоже взрослый, но дедушка постоянно обо мне переживает, — пожал плечами домовой. — И это я ещё в отличии от тебя не якшаюсь со всякой нечистью.

— Стоп, стоп, стоп, — озадачился я. — О какой нечисти идет речь? Моя совесть чиста, если что, то меня подставили злые тюлени.

На последних словах Емеля завис, как будто процессор внутри его головы моментально разогрелся до критических значений.

— Какие тюлени? — медленно спросил он. — Вернее, объясни сначала, кто такие тюлени.

Мама дорогая, только уроков по биологии северной фауны мне сейчас не хватало.

— Емеля, — попросил я. — Давай ты мне просто ответишь про нечисть, а затем я приму душ и лягу спать. У меня правда тяжелый день, голова с трудом соображает. А завтра… Или послезавтра… Или когда-нибудь я расскажу тебе про тюленей и даже картинки из интернета покажу. Договорились?

— Договорились, — кивнул головой Емеля, причем с таким энтузиазмом, что едва лоб не разбил об собственные же колени.

— Тогда я тебя слушаю, — сосредоточился я из последних сил.

— Там, у подъезда, — Емеля взгромоздился на табурет и посмотрел на меня серьезным взглядом. — Я с окна видел. Не надо тебе с ним дел иметь. Плохой человек.

— Ах это, — махнул рукой я. — Забудь. Это просто местные рэкетиры. Не понравилось ему, что я девочку маленькую вылечил.

— Какую девочку? — встрепенулся домовой. — Из какого подъезда?

— Емеля, всё потом, — замотал я головой. — Сейчас спать. Я правда очень устал.

— Тогда иди, — покорно согласился Емеля и пожал худыми плечами. — А я порядок наведу и мешать тебе не буду.

— Да не надо никакого порядка, — попытался воспротивиться я, но малыша уже было не остановить. Видимо, Емеля хотел таким образом загладить передо мной вину за свой наезд не по делу.

Решив, что квартиру он мне точно не разбомбит, я отправился в душ. Глаза слипались сами собой, а мысли в голове стали тягучими, как патока. Горячая вода обжигала плечи, смывая остатки дня и все мои переживания. До кровати я брел уже с полузакрытыми глазами, даже не поинтересовавшись, ушел Емеля или по-прежнему гостит на моей кухне.

Сон пришёл мгновенно, как провал в темноту. Просто выключили тумблер.

Я стоял посреди бескрайней степи. Под ногами твердая земля, над головой неестественно черное небо, но при этом все вокруг видно, как будто над головой светит яркая луна. Самой луны, правда, почему-то видно не было.

— Нравится? — раздался голос отовсюду и ниоткуда одновременно.

— Нет, — честно ответил я. — Очень хотелось выспаться, но, судя по всему, мое мнение никого не интересует.

— Вообще-то, на некоторые встречи принято являться с радостью просто от того, что тебя туда пригласили, — в этот раз голос раздался прямо у меня за спиной и, обернувшись, я увидел прямо перед собой Трояна, сидевшего на легком плетеном кресле. Впрочем, мозг машинально отметил, что легкость плетения не отменяет вычурности и солидности божественного седалища.

Бог опять предстал в облике молодого юноши, одетого не в тяжелые официальные наряды, а опять во что-то легкое, типа дорожного или охотничьего костюма. Со стороны посмотришь — обычный молодой человек, только штаны с курткой устаревшего фасона. А вот глаза Трояна выдавали. У обычных людей таких глаз не бывает. Сейчас в полумраке степи всполохи бледно-голубого света, идущие изнутри, смотрелись особенно внушительно. И, надо признать, довольно жутковато.

Я смотрел на Трояна, не зная, как повести себя правильно, а он, похоже, просто наслаждался своей властью надо мной. Впрочем, власть понятие относительное. Он явно нуждается во мне, иначе не вел бы задушевные разговоры, приглашая в свои иллюзии. Или мои? Впрочем, какая разница?

— Садись, Геннадий, — махнул юноша зажатым в руке кубком и рядом с ним появилось ещё одно плетеное кресло. На порядок проще, чем-то, на котором сидел сам Троян, но так мы и не гордые.

Сел, машинально отметив, что кубка мне не предложили. Значит, недоволен мной Троян. Недоволен и сейчас начнет высказывать претензии.

— Гена, а ты помнишь нашу прошлую встречу? — поинтересовался у меня юноша, сделав очередной глоток из своего кубка.

— Более или менее, — пожал я плечами. — Мы сошлись на том, что вы мне помогаете и я остаюсь должен. Вроде бы так. И сразу хочу отметить, что я от своих долгов не отказываюсь.

— Да-да, я заметил, — скривился Троян. — Именно поэтому активно ведешь целительскую практику, поглаживая людей за деньги в своем массажном салоне. Либо отбираешь пациентов у более активных коллег, таких как Буторин.

— Тамбовский волк ему коллега, — на автомате ответил я, едва сдержавшись от более серьезных ругательств. — Да и не сильно по нему заметно, что он имеет отношение к целительству. Я скорее удивлен, что вы вообще в курсе существования такого человека.

— Я знаю всех, кто так или иначе использует магию для лечения людей, — Троян наклонил голову набок, разглядывая бокал, как невероятно ценное изделие. –Буторин — ничтожество. Обычный делец, который решил, что может монополизировать сферу чужого здоровья. Но в отличии от тебя он пытается развиваться, ищет новые методы, нанимает людей, вкладывает деньги. А ещё он знает, кому следует поклоняться и приносить жертвы. А что ты? Спрятался в массажной и считаешь, что больше ничего не нужно?

— Я лечу людей, — возразил я, чувствуя, как внутри меня рождается протест. — Лечу так, как умею и помогаю тем, кто просит меня об этой помощи. Но вам без меня прекрасно известно, что неправильное лечение может убить гораздо быстрее любой болезни.

— Ты делаешь ровно столько, чтобы не чувствовать себя полным ничтожеством, — отрезал Троян. — Одна девочка. Один сосед с лопнувшим пузырём. Парочка здоровых мужиков с больными спинами. Геннадий, это капля в море! Ты получил дар, о котором многие могут только мечтать, и ты используешь его как… как дешёвую косметику!

— А что надо я делать? — не сдержался я. — Бегать с плакатом и кричать: «Я целитель, дайте мне больных»? А потом драться с санитарами из психушки?

— Ну по крайней мере это была бы хоть какая-то активность! — Троян взмахнул рукой, и мне показалось, что спины коснулся порыв ледяного ветра. — Ты же действительно стоишь на месте, даже учиться не пытаешься! Сколько учебников ты купил? Один? А дневники своих предшественников? Один? Выучил пару трюков и успокоился? А нужно было изучать, практиковать, рисковать! Ты боишься, Геннадий. Ты боишься своей силы. Ты боишься, что не справишься. Ты боишься, что тебя раскроют. Ты боишься жить по-настоящему.

— Ну и что теперь? — я откинулся в кресле, чувствуя, что спинка скрипит под моим весом, но успокаивая себя тем, что всё происходящее мне кажется. — Я не имею права жить так, как мне хочется? Как-то странно строится наш диалог. Такое ощущение, что я в рабстве, хотя не помню, что подписывался на подобное.

— Да ты что? — Троян улыбнулся, но глаза его оставались холодными. — А я вот помню, как ты молил о помощи. И я помог! И ты согласился, что должен мне! Так что теперь, ты планируешь возвращать долги несколько столетий?

— Хорошо быть богом, — усмехнулся я. — Такая осведомленность о моей жизни восхищает и пугает одновременно.

— Привыкай, — усмехнулся Троян. — Твои действия могут как помочь мне, так и навредить. Ты обладаешь даром, и любое его применение так или иначе отражается на моем статусе. Я хочу возвыситься, а не уйти в небытие, как некоторые… Понятно?

— Если честно, то совсем непонятно, — помотал я головой. — Как мои дела отражаются на вас? Это как в компьютерной игре что ли? Я кого-то вылечил, а вам очки репутации капают?

— Я бог, вообще-то, — снисходительно посмотрел на меня Троян. — Я создал целительскую силу, так что все целители пользуются моим наследием. Оно часть меня, можно сказать составляющая моей сути. Так что любое твое лечение питает мои жизненные силы, возвеличивает меня и позволяет вернуться из забвения. Теперь понятно?

— Непонятно, — упрямо мотнул я головой. — Я-то здесь причем? Столько целителей, причем более профессиональных. Почему вы ко мне прицепились?

— Потому что ты не хочешь использовать мое наследие так, как положено, — ответил бог. — И я не могу спокойно наблюдать за этим. К тому же, ты обратился ко мне с просьбой, и я откликнулся на нее без лишних вопросов и условий. Теперь моя очередь, я считаю себя правым требовать от тебя такого же отношения.

— Что-то незаметно, что без вопросов и условий, — не удержался я от комментария.

Троян замер. Его лицо исказилось, как будто он хотел ударить меня. От неожиданности я инстинктивно напрягся и чуть было не вскочил со своего кресла, но внезапно мой собеседник рассмеялся, и от этого стало еще обиднее. Так обычно смеются взрослые, наблюдающие за играми детей. Негромко, беззлобно…

— Смелый, — сквозь смех покачал головой Троян. — Естественно, глупый, как и все смелые. Не знаю только, считать это недостатком или достоинством. Скорее, первое, потому что достоинств я пока что не вижу.

— Яичницу сам могу пожарить, — язвительно буркнул я. — И количество ложек сахара в кофе у начальства запоминаю с первого раза.

— Крупно сомневаюсь, — продолжал улыбаться Троян. — Скорей поверю, что ты этот кофе выливаешь за шиворот начальству.

Внезапно его лицо максимально посерьезнел, а тон стал жестче.

— Ты мне должен, Геннадий! И я не желаю ждать возвращения долга до бесконечности.

— Я помню, — буркнул я в ответ. — Так что повторять очевидное каждые пять минут необязательно. Если вам так не нравится, как я работаю в роли целителя, то можем пересмотреть условия сотрудничества. Хотите, я дар кому-нибудь передам?

— И умрешь при этом? — с любопытством посмотрел на меня Троян. — Интересное предложение. Надо будет при случае поинтересоваться у Мораны, как она к душам самоубийц относится.

— Не-не-не, — выставил я перед собой ладони. — О моей смерти разговора не было. Просто передаю дар, и мы забываем о существовании друг друга. Тем более, не уверен, что подобное положение вещей понравится твоему приятелю.

— Это какому? –напрягся я. Осведомленность Трояна о моей жизни нравилась мне все меньше и меньше. — Надеюсь, что вы не про Буторина?

— Да забудь ты уже об этом человечишке, — поморщился Троян. — И мне постарайся не напоминать, чтобы я не расстроился.

Я пожал плечами, но не стал комментировать последнюю фразу Трояна. То Буторина хвалит, то, наоборот, морщится так, как будто я ему про какую-то пакость напомнил. Впрочем, кто его знает, по какой логике живут боги. Может быть, в их системе координат подобное поведение считается абсолютно нормальным, тем более, люди для них так, мелкие существа… Может быть, даже на уровне муравьев… Так что нужен Буторин, мы о нем помним… Исчезла необходимость, можно наплевать…

— Тогда не очень понимаю о ком вы говорите, — внимательно посмотрел я на Трояна. — Может быть, все-таки стоит уточнить?

— Не надо, — жестко оборвал меня Троян. — Если будет суждено, ты всё сам узнаешь, а мне не с руки ссориться со столь могущественной сущностью.

Могущественной сущностью? Моему приятелю? У меня аж живот зачесался от того, насколько стало любопытно. Троян явно не планировал отвечать мне на вопрос. Мне даже показалось, что он жалеет об этих неосторожно сказанных словах.

Кто же это? Мося? Надежда Владимировна? Степан? Полковник?

Я перебирал в голове варианты и так увлекся, что даже пропустил следующие слова, сказанные Трояном.

— Я дико извиняюсь, — перебил я собеседника. — Можно еще раз? Я отвлекся.

— Неслыханная наглость, –покачал головой Троян. — Не понимаю, за что судьба послала мне такого нахального слугу. Может быть, мне стоит обдумать вариант с твоей смертью серьезнее.

— Обдумайте, — стараясь улыбаться максимально беззаботно, усмехнулся я, чувствуя, как внутри меня всё сжалось от страха. — Может быть тогда вы поймете, что судьба послала вам не слугу, а испытание, и только справившись с ним вы сумеете возвыситься. Вам надо подумать о том, как сделать наше общение максимально продуктивным, а не пугать меня каждые пять всевозможными карами.

— Дерзость и нахальство, — всплеснул руками Троян. — Не думаю, что с таким характером ты протянешь долго.

— Посмотрим, — снова усмехнулся я. — Но может быть, все-таки вернемся к конкретике?

— Ты должен использовать дар, — посмотрел мне прямо в глаза немигающим взглядом Троян, так, как будто хотел меня загипнотизировать. — Ежедневно и максимально разнообразно. И ты должен мне пять несправедливостей. Пять душ, которые я отдам Моране, и которые помогут мне возвыситься. Ты должен лечить и исцелять во славу мою, и ты должен поправить нити судьбы великой Макоши. Это твой долг, и я жду, что ты вернешь его мне.

Макошь… Морана… Чувствую, что надо покопаться в интернете. В голове совсем смутные и обрывочные мысли, не имеющие никакой системности.

— Ты попросил у меня жизнь, и я вернул ее девушке по твоей просьбе. Но я вправе забрать эту жизнь обратно, если ты не хочешь выполнить свою часть договора.

Голос Трояна звучал набатом у меня в ушах, заставляя сжиматься внутренности от практически осязаемой угрозы.

— Жизнь девушки в твоих руках, и я обещаю, что ты насладишься каждым мгновением её угасания, — продолжал вбивать гвозди в мое сознание Троян.

— Подождите, — вскинулся я. — Причем здесь девушка? Вы хотели наказать меня, так наказывайте. Зачем мучить постороннего человека?

— Потому что мне так хочется, — рассмеялся Троян и его хохот показался мне дьявольским набатом. — Я дал тебе шанс, у тебя есть сила. Верни долг и тогда ничего не случится.

— Троян! — заорал я, но он уже исчезал, как и вся окружающая обстановка. Мне показалось, что я тону в бесконечно белой пелене, а затем по ушам ударил какой-то странный и безумно противный звук.

— Троян! — заорал я еще громче, но мне показалось, что из горла не вылетело ни звука. Писк усиливался, стало трудно дышать, а затем я просто проснулся.

Меня накрыл с головой непонятный писк, который в тишине квартиры казался безумно громким. Не проснувшись до конца, да и вообще не понимая, где именно нахожусь, в реальности или всё еще в гостях у Трояна, мне никак не удавалось понять, что именно может издавать настолько противный звук. Я посмотрел на часы и с недоумением понял, что они показывают

всего навсего час ночи. Не три утра, конечно, но совесть то иметь надо хоть какую-то. Что же это может быть?

— Емеля! Емеля! — заорал я, даже не думая, что таким истошным криком могу перебудить половину подъезда. Всё-таки, квартира у меня в обычной советской многоэтажке, звукоизоляция здесь понятие относительное. Я уверен, что это какие-то шутки маленького домового, потому что никакого другого объяснения происходящему в голову не приходило. Ну что может еще издавать настолько противные звуки?

— Емеля! Что за фигня творится? — надрывался я, пытаясь параллельно догадаться, что же именно может пищать так мерзко?

— Что ты орешь? — раздался у меня за спиной совсем не тот голос, который я планировал услышать. — Занят Емеля, у него кроме тебя и другие проблемы имеются.

— Я спать хочу, — пожаловался я дедушке своего домового. — А ваш внук, Никанор батькович, подшутил надо мной, похоже. Слышите этот писк ужасный?

— Слышу, — невозмутимо ответил невысокий старичок. — Вот только понять не могу, причем здесь мой внук? Ну пищит… Слышу… Это же не он пищит.

— Ну так, а то это? — недоуменно воззрился я на домового.

— Так телефон твой, — каким-то неуловимым движением достал аппарат откуда-то из подушек дивана Никанор. — С тобой всё нормально, Геннадий?

В этот момент я понял, что действительно пришла пора просыпаться. В руках домового был мой смартфон, но почему он издавал настолько ужасные звуки, мне по-прежнему было непонятно. Что за прикол? Почему слетели настройки?

Впрочем, спрашивать об этом у Никанора наверняка бессмысленно, я даже рот открыть не успел.

— Ты отвечать то будешь? — перебил мои намерения домовой.

Я закрыл рот, посмотрел на него, на телефон, взял смартфон из протянутой небольшой ручки и нажал наконец клавишу приема вызова.

— Геннадий! Геннадий! Это Ольга! Нам с вами срочно необходимо встретиться! Я выезжаю!

Теперь я смотрел на телефон с еще большим недоумением. Куда выезжает? Зачем выезжает?

— Ну и кто это был? — поинтересовался у меня домовой, внимательно следивший за моей мимикой.

— А я не знаю, — честно признался я, пожимая плечами. — Но будет, наверное, интересно.

Глава 5

Много вопросов и очень мало ответов. Я как-то не планировал ни с кем встречаться, тем более, с женщинами, которых не представляю ни внешне, ни внутренне.

– У-у-у-у, Геннадий, – сморщил забавную моську домовой. – А я смотрю, что вы времени зря не теряете. Как в народе говорят, ловелас почище многих.

– Ну вот от вас то Никанор я подобного вообще не ожидал, – в растерянности развел я руки в сторону. – Вы думайте, что говорите то. Сказано же тебе, мне вообще неведомо, что за мадам так страстно желает нашей встречи. Да и без нее забот хватает, если честно.

– Анекдот вспомнил, – продолжал хитро улыбаться домовой. – Бабник это просто слабый мужчина, который не может отказать ни одной женщине.

– Вообще не смешно, – буркнул я. – Ночь на дворе, а ко мне неизвестные гражданки в гости ломятся. Хорошо еще, что у меня Катя сегодня не ночует.

– А может ты и прав, Геннадий, – внезапно посерьезнел Никанор. – Это очень хорошо, что рядом нет никого лишнего.

– Не понял, – с удивлением посмотрел я на домового. – Мой мозг не успел проснуться, поэтому требует пояснений.

– Не нравится мне, что к тебе по ночам гости неизвестные ходят. Тем более, если ты действительно не знаешь, кто именно это может быть, – пояснил свою мысль Никанор. – Времена сейчас странные, да и ты у нас не самый простой на свете человек. Откуда у этой женщины твой домашний адрес? Я же слышал разговор. Она ничего не уточняла, а просто убедилась, что этой ночью ты спишь дома. Вот и думай, чем такое свидание закончиться может.

– Ну что она мне сделать может? – неуверенно протянул я, – чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок. – В конце концов, может быть кому-то срочно моя помощь понадобилась. Болезни же на часы не смотрят и приходят вне рамок дворцового этикета.

– Ну-ну, – недоверчиво дернул головой Никанор. – Хотелось бы верить, что все именно так и выглядит. Только ухо востро держи. Будь там беда, тебе бы другие слова говорили. А здесь быстро всё, не дожидаясь вопросов или возражений. Откуда ты знаешь, что на уме у этой Ольги. А ну как злобу на тебя кто затаил или просто в своих интересах использовать хочет?

– На меня? Злобу? – усмехнулся я поначалу и тут же вспомнил встречу с господином Буториным. Он же ждал меня у подъезда, а значит мой адрес давно не является секретом для тех, кто хочет свести тесное знакомство. Другой вопрос, что, не получив желаемого, Алексей Борисович мог придумать план по устранению строптивого конкурента. И вот тут уже начиналась целая россыпь вариантов, каждый из которых казался мне гораздо хуже предыдущего.

– Ага, вспомнил кого-то, – тут же заметил мою озабоченность Никанор. – То-то же! Не стоит верить в собственную непогрешимость, особенно, если она ничем конкретным не подтверждена. Давай, звони!

– Кому звонить? – на автомате спросил я, уже прикидывая, какое из зол меньше. Особых вариантов не наблюдалось – либо полковник Седых, либо Надежда Владимировна. И там, и там я рискую влезть в долги по самые уши, чего категорически не хотелось бы.

– А если ты ошибаешься? – скептически посмотрел я на домового. – Никанор, я понимаю, ваш жизненный опыт на порядок моего больше, но может быть не стоит раньше времени поддаваться панике? В конце концов, ничего страшного и ужасного пока не произошло. Даже если ко мне в гости сейчас явится инопланетное создание, причин для вселенской тревоги я не вижу. В конце концов, я у себя дома и насколько мне известно, никто из потусторонних существ не смеет войти в него без моего разрешения.

– Что ты такое говоришь! – всплеснул руками Никанор. – Это ж кто только дурь такую тебе сказать мог? Нежить войти не может – это правда, а про всех остальных речи не было.

– Правда? – озаботился я. – Разве есть какая-нибудь разница?

– У-у-у, – бестолочь! – чуть ли не кулаками затряс домовой. – Элементарных вещей не знаешь, а гонору, как у потомка Финиста! Да ты…

Договорить домовому не дал длинный дверной звонок, повествующий о том, что ночной визитер осведомлен о моем присутствии и настроен весьма решительно. Я даже спросить не успел, причем здесь Финист, вроде бы легендарный богатырь особо вредным характером не отличался.

– Штаны надень! – максимально сварливым тоном посоветовал домовой. – Если тебя на куски сейчас пластать будут, то хоть не так стыдно будет. Ты ж все-таки мужик, а не девка срамная, исподнее всем подряд демонстрировать.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я домового, оглядываясь в поисках предмета туалета. – Уважаемый Никанор, а вы не могли бы посмотреть, кто там все-таки так настойчиво в дверь ломится. Может быть, просто дверь открывать не стоит?

– Ведьма там, – вынырнул откуда-то Емеля. – Дедушка, а давай я ее прогоню. Ты же сам говорил, что от их племени кроме проблем ничего быть не может.

– Ты то куда! – страдальчески закатил глаза Никанор. – Молоко на губах не обсохло, а уже с ведьмами воевать собрался. Тем более, это не к тебе гостья пришла, а к Геннадию, вот он пусть и решает, что с ней делать.

– Все у меня обсохло, – насупился малыш. – К тому же, это мой подъезд, а значит мне должно за порядком следить.

– Вот и следи, – не поддался на провокацию старый домовой. – Сходи лестницы пожарные проверь, да чтоб во всех квартирах краны завёрнуты были. Мы за порядком следить поставлены, а не за ручку взрослых дяденек по жизни водить.

– Но дедуля! – взмолился Емеля. – Ты же сам говорил…

– Цыц! – прикрикнул на внука Никанор. – Сказано нет, значит нет. Ну-ка, за мной иди! Я тебя сейчас живо к разумному делу пристрою.

И домовой исчез под диваном, буквально растворившись в воздухе. Емеля посмотрел на меня виноватым взглядом, но все же не решился идти наперекор воле родственника. Только маленькие ручки развел в стороны и тоже шмыгнул в какую-то щель возле комода.

А дверной звонок продолжал надрываться, демонстрируя не только настойчивость ночной гостьи, но и полное пренебрежение правилами хорошего тона. Ну позвонил ты в дверь, не открыли тебе, так улыбнись и иди своей дорогой. Ясно же, что в этом доме тебя не ждут, а значит визиту рады не будут.

Впрочем, деваться мне все-равно некуда. Кто его знает, может через пару минут вообще в дверь ногами долбить начнут, замучаюсь потом с соседями объясняться.

– Ну наконец-то, – вместо приветствия всплеснула руками стоявшая на площадке перед дверью девушка. – Я уж думать начала, что адресом ошиблась.

– Что-то незаметно, – проворчал я, разглядывая гостью, тем более что посмотреть было на что. Короткое платье с глубоким декольте и босоножки на высоком каблуке выгодно подчеркивали спортивную фигуру незнакомки, ломившейся ко мне в квартиру.

– Что незаметно? – девушка аж ногами притоптывала от нетерпения. – Что ошиблась?

– Что думать начали, – съехидничал я. – В противном случае, вы бы уже давно прекратили свои бесцеремонные действия. Девушка, вы на часы вообще смотрели? Третий час ночи, а вы ко мне в квартиру ломитесь? Что я утром соседям объяснять буду? Что мне стало грустно от одиночества, поэтому я решил скрасить жизнь женским обществом?

Я еще раз внимательно осмотрел гостью сверху вниз, а затем обратно. Красивая, спору нет. Я бы даже сказал яркая, но на сто процентов уверен, что мы с ней раньше никогда не встречались. По крайней мере, я обычно запоминаю блондинок ростом под сто семьдесят сан-

тиметров и уверенным третьим размером груди. А может быть даже четвертым, но тут проверять лично нужно.

А вот каких-то признаков принадлежности к ведьминому племени я не заметил. Ну вот вообще никаких – ни широкополой шляпы с бубенчиками, ни длинного крючковатого носа… Даже метлы, к стене прислоненной и то не было. Я специально из кварты выглянул, неизвестно на что надеясь, но знакомого из сказок транспортного средства нигде не было.

Никаких других критериев отнесения девушек к ведьмам я не знал, поэтому мысленно дал себе зарок при случае обязательно поинтересоваться. Что-то же должно быть? Может быть у них изо рта обязательно клубникой пахнет или волосы непременно красного цвета. По поводу волос подозрения вполне обоснованные, я в своей жизни всего двоих с таким окрасом встречал, и обе вели себя как натуральные ведьмы.

– И волосы светлые, а не красные, – почему-то вслух продолжил я свою мысль. – Что-то не сходится.

– А ты нахал, – протянула незнакомка. – То есть ты вот так вот с порога меня проституткой назвал? Не боишься?

– Девушка, послушайте, – пожал я плечами. – Если честно, я уже давным-давно никого не боюсь, даже маму с папой. Это деструктивная эмоция, она не может принести нам счастья. Впрочем, хотелось бы заметить, что проституткой я вас не называл, а вот почему вы сами решили причислить себя к этой профессии, мне совсем неведомо. Возможно, за вас говорят какие-то детские желания, подавленные в период взросления, но по-прежнему требующие от вас реализации. Не исключен вариант позитивного, излишне романтизированного примера кого-то из вашего окружения. Однако должен заметить, что принудительное навязывание услуг в нашей стране является нарушением действующего законодательства и может расцениваться, как посягательство на личную свободу…

– Эй, ты бессмертный что ли? – напряглась гостья. – Или сумасшедший? Ты что за ерунду городишь? Я вообще-то по делу пришла, непонятно разве?

– Непонятно, – помотал я головой и привалился к косяку. – По делу так в гости не ходят. Как угодно, но только не так! Ор по телефону, как будто убили кого-то, затем бесцеремонные звонки в дверь! Мадмуазель, я хочу спать, так что у вас ровно две минуты объяснить цель своего визита, иначе я вызываю полицию.

– Точно сумасшедший, – потерла виски наманикюренными пальчиками гостья. – И зачем я только к тебе приехала?

– Так и я не знаю, – пожал я плечами, – но времени, чтобы объяснить сей факт осталось буквально полторы минуты.

– Да подожди ты! Послушай! Я… То есть, мы предлагаем тебе защиту! – торжественно продекламировала незнакомка.

– Чего?? – искренне удивился я. – В три часа ночи? Какую защиту? От недосыпа?

– Геннадий, не надо валять дурака, – девушка приосанилась, отчего стала выглядеть чуть выше, а грудь действительно выглядела не на третий, а на полноценный четвертый размер. – Все, кому положено, в курсе, что ты Целитель и у тебя вчера случился конфликт с Буториным. Мы не хотим, чтобы это помешало твоему бизнесу, поэтому предлагаем помощь и защиту. Давай работать вместе и я гарантирую, что больше он тебя не побеспокоит.

– Ого, серьезная заявка на победу, – искренне восхитился я. – Судя по всему, у господина Буторина течет из всех щелей. Но я впечатлен, честно! И наглостью, и оперативностью!

– Геннадий, соглашайся, – нетерпеливо топнула ногой девушка. – Я не вижу повода для шуток. Тебе предлагают взаимовыгодное сотрудничество, а ты несешь какую-то чепуху и не желаешь нормально разговаривать.

– Не желаю, – демонстративно зевнул я. – Потому что так дела не делаются. Сейчас три часа ночи, ко мне в квартиру ломится какая-то взбалмошная красотка и требует от меня согла-

ситься неизвестно на что. Хотите сотрудничества? Милости прошу! Но только в нормальное время суток и без театральных эффектов. Позвонили, договорились о встрече, приехали, рассказали, кто вы такие и что от меня хотите! А вот так вот склонять меня к какому-то непотребству не стоит. Я понятно объяснил?

– Понятно, – насупилась девушка. Обиделась похоже, вон, даже губки накрашенные кусать начала.

– Тогда всего хорошего! – заключил я и попытался закрыть дверь.

– Эй, подожди! – всполошилась незнакомка. – Тебе нельзя оставаться одному, это опасно!

– И что? Предлагаете переночевать вместе? – скептически поднял я бровь.

– Предлагаю остаться, чтобы защитить тебя в случае необходимости, – двумя руками вцепилась в дверь незнакомка. – А утром, когда ты выспишься, мы обсудим наши отношения более подробно.

В голосе девушки смешались язвительность и томность. Она явно разозлилась из-за моего поведения, но не собиралась отступать, решив, видимо, любыми средствами добиться своей цели.

– Меня мама учила, что оставаться наедине с незнакомыми девушками неприлично, – продолжил я держать оборону, прикидывая, как бы поаккуратнее вытеснить гостью за пределы двери.

– Меня Варвара зовут, – добавила в тон патоки девушка. – И я умею быть очень благодарной и отзывчивой. Попробуй, и ты убедишься, что дружба со мной может принести тебе райское наслаждение.

Судя по всему, меня активно охмуряли с помощью каких-то запрещенных приемов. Я продолжал сопротивляться, но какая-то часть мозга уже пыталась капитулировать, жадно разглядывая проступающие под одеждой изгибы тела. В конце концов почему я должен отказываться от того, что само плывет мне в руки? С какой-то стороны, даже интересно, вдруг у ведьм там всё как-то иначе устроено…

– А хочешь, я позову своих подруг? – продолжала наседать Варвара. – Вместе мы защитим тебя еще лучше! Гарантирую, что ты забудешь обо всех своих проблемах.

Рука ведьмы легла мне на грудь, мягко толкая внутрь квартиры.

– Расскажи мне о своих желаниях, Гена, – продолжала ворковать девушка, – и я постараюсь каждое из них воплотить в реальность.

– Вообще-то у меня есть девушка, – из последних сил, продолжал я держать оборону, чувствуя, что еще чуть-чуть и крепость падет на милость завоевателя. В голове уже шумело, как после приличной порции алкоголя, а тело слабело, не видя смысла в дальнейшем сопротивлении.

– Так это же хорошо, Гена, – шептала Варвара, продолжая настойчиво толкать меня. – Уверена, что она тоже желает тебе только хорошего. А я могу помочь тебе получить это хорошее. Просто не сопротивляйся, а утром мы обсудим наше совместное будущее.

Мне показалось, что за спиной ведьмы мелькнули фигуры домовых. Мордочка Емели была испуганной, а Никанор хмурился, явно не одобряя происходящее. Впрочем, вполне могло быть, что меня просто посетили галлюцинации. Буквально через секунду площадка перед лифтом по-прежнему была пуста и безмолвна.

– Пойдем быстрее, – ведьма почувствовала мою слабость и удвоила усилия. – Тебе надо отдохнуть и расслабиться, а утром мы придумаем, как сделать твою жизнь безопасной.

– Подожди, – с усилием вытолкнул я наружу слова, которые показались мне тяжелыми булыжниками. – Надо позвонить… Предупредить…

– Кому позвонить, любимый? – приобняла меня Варвара. – Разве есть сейчас кто-нибудь важнее меня?

– Седых, – прохрипел я, чувствуя, что в горле пересохло. – Полковник Седых. Он едет сюда и может помешать нашему отдыху.

– Кто-о? – дальнейшая метаморфоза отрезвила не хуже ледяного душа. Я увидел беззубую старуху в вульгарном платье, которое болталось на сморщенной фигуре, как бесформенная тряпка. Я отчаянно заморгал и передо мной вновь оказалась молодая пышущая молодостью девушка, вот только выражение ее лица уже не было таким влюбленным и зовущим. – Какой полковник?

– Ну я же говорю тебе, – наваждение спало, и я с наслаждением потянулся, чувствуя, как дурман покидает мое тело. – Сюда едет полковник Седых. Он тоже хотел пообщаться по поводу безопасности и сотрудничества. Я переживаю, что он может явиться в самый неподходящий момент. – Давай я позвоню ему, а затем расскажу тебе обо всех своих нереализованных фантазиях.

– Идиот! – вот теперь меня толкнули в грудь от души, так что пришлось схватиться рукой за косяк, чтобы не споткнуться. Я набрал в грудь воздуха, но оказалось, что высказывать возмущение уже некому. Площадка перед квартирой пуста, и лишь только с лестницы доносится недовольный стук острых каблуков.

Глава 6

Не было печали…

У этой присказки существует несколько продолжений, но вряд ли какое-то из них сейчас подходило в полной мере. Я слушал звонкий стук каблуков по лестнице и в голове билась всего одна настойчивая мысль — «Надо срочно переезжать!»

Это я еще не выяснил, что именно было нужно от меня навязчивой барышне по имени Варвара. Смотрелось, конечно, смешно. Посреди ночи врывается в дом красотка в коротеньком платье и обещает спасти меня от всех проблем. Причем, ее не сильно волнует, что я и проблем то вокруг себя особо не наблюдаю. Странная ситуация…

Вот только стоит вспомнить, что стройная девушка ведьма, так сразу улыбка исчезает. Я, конечно, новичок в этих потусторонних разборках, но вряд ли надо радоваться тому, что моя популярность растет настолько стремительно. Мне кажется, что в этом мире знаменитости долго не живут. Ну или живут совсем не так, как им хочется.

В какой-то момент я понял, что мысли начинают путаться в голове, так что надо плюнуть на всё и лечь спать. Домовые, кстати, как сбежали, так больше и не думали появляться. То ли обиделись, то ли решили, что у меня слишком сомнительные знакомства. Ладно-ладно, я им это как-нибудь припомню. Как за помощью бежать или жизни поучить, так это они первые, а как реально жареным запахло, так сразу в кусты юркнули. Последнее, что я успел подумать, перед тем как провалиться в сон, как обидно, что идея с массажным кабинетом провалилась…

Снов не было. Ну или по крайней мере не было ничего такого, что мозг попробовал бы обработать и запомнить, чтобы выдать в мое сознание. Впрочем, первое, что выдал мой мозг, едва я открыл глаза — «Хорошо, что Троян больше не звал меня в гости». Потом мозг поинтересовался, какая сволочь могла разбудить пенсионера, несмотря на его законное право спать до обеда. Дальше мозг обработал информацию, полученную от часов на экране телефона, и задал еще один вопрос, носящий исключительно риторический характер — «А чё так рано-то?»

В общем, бредя ко входной двери, я на автомате посчитал, что поспал буквально четыре часа, что настроение совсем не улучшало. Надо провод звонка перерезать.

Даже не глянув в дверной звонок, я распахнул входную дверь и мрачно уставился на незваного гостя.

— Ух ты, — демонстративно неискренне удивился я. — Вот тебя, Максим, я в гости совсем не ждал. Скажи спасибо, что я имя твое помню.

— Вообще не удивляюсь, — ни капли, не стесняясь широко зевнул Мерзкий. — Но спасибо, что помнишь. Ты не ждал, но мы приперлись.

— А я спать хочу, — то ли пожаловался, то ли возмутился я. — Ты не мог припереться попозже?

— Я бы с удовольствием, — покрутил головой Мерзкий, — но полковник почему-то так орал в трубку, что я не решился уточнять.

— Чего орал? — внешне равнодушно поинтересовался я, но внутри у меня всё сжалось от предчувствия беды. Видимо, не стоило вешать лапшу на уши ведьмам и рассказывать, что я под крышей «дяди Эдика» работаю.

— Много чего, — отозвался Максим, — если честно, я даже все полностью и не запомнил. Что-то из серии типа «пограничники много на себя берут и абсолютно не думают о последствиях». С кем ты уже поругаться успел? Я всех не запомнил.

— Я вроде особо ни с кем и не ругался. Потупил я взгляд. Приходили тут ко мне. Отдельные персонажи. Что-то хотели, что-то предлагали. Ну, это же не значит, что под каждого ложиться стоит.

— Ну вот что-то подобное он и сказал, — снова зевнул Мерзкий. — Так что собирайся. Поедем на профилактическую беседу.

Если честно, первым желанием было отказаться. Мы же вроде определились, что целители живут отдельно, а спецслужбы отдельно. По крайней мере, я именно такие утверждения от Надежды Владимировны помню, и не помню, чтобы полковник Седых против этого сильно возражал.

Впрочем, потом я посмотрел на Мерзликина еще раз и пришел к выводу, что сильно перегибать палку не стоит. Тем более, никто не знает, как ситуация завтра повернётся. Возможно, просто тот факт, что кто-то внимательный увидит нас вместе, в какой-то момент банально спасёт мне жизнь.

— Ситуация, как в дешевых фильмах про НКВД, — все-таки не удержался я от комментария. — Как думаешь, лампой в лицо светить будут? А бить коваными сапогами по почкам?

— Мдаааа уж, — страдальчески закатил глаза Мерзкий. — И объясни потом шефу, что не все пограничники одинаковые. Еще один доморощенный тролль на мою голову.

— А пограничники здесь причем? — не понял я. — Или только пограничников можно по почкам бить?

— Шутим много, — махнул рукой мой собеседник. — Причем, как выражается господин полковник, с таким видом, как будто иначе нельзя разговаривать. Хотя правды ради, я уже давно юморить отучился в его присутствии, и тебе тоже искренне советую постараться держать себя в руках…

— Очень интересно, — записал я себе на подкорку обещание обдумать это предупреждение, но развивать мысль не стал, понимая, что дальше диалог уже не приведет ни к чему конструктивному. — Ну тут уж ничего гарантировать не могу. Как получится, сам понимаешь. Дай мне пятнадцать минут, я хотя бы умоюсь.

— Без проблем, жду в машине, — согласился Максим и, не говоря больше ни слова, сунул руки в карманы и отправился вниз по лестнице.

«Спортсмен, наверное. Нормальные люди на лифте ездят», — подумал я и отправился в душ. Как говорили наши предки, на расстрел и битву приходить следует в чистом. Ну или может быть не совсем так говорили, но сути дела это не меняет.

Холодная вода быстро избавила от остатков сна, так что я действительно уложился в обещанные пятнадцать минут. Впрочем, спускаясь по лестнице, я подумал, что не мешало бы и позавтракать, но вряд ли незваные гости настолько терпеливы.

— А неплохо живут офицеры в Москве, — оценил я, садясь в просторный салон свеженького китайца. — Даже завидно стало. Сразу понятно, почему очередь за забором из желающих служить в конторе никак не закончится.

— Она закончилась еще в тот момент, когда мы учились, — не отреагировал на шутку Мерзкий. — А машина служебная. Мне ее господин полковник иногда покататься дает, чтобы сберечь казенные ноги подчинённого.

— Заботливый начальник — это редкость по нынешним временам, — согласился я с фсбшником. — Или у вас все машины такие? В конторе что, обеспечение наладили?

— Нет, все по-прежнему, — не поддавался на провокации мой собеседник. — Просто у этой багажник большой. Приказано было, если ты упираться начнешь, тебя на беседу в нем привезти.

Я хотел было возразить, что не так легко меня запихнуть в багажник, но промолчал, решив сойти за умного. Тем более, никогда нельзя судить о потенциальном противнике по внешности. Может быть, это только впечатление обманчивое, что Мерзкий не боец и вообще особыми физическими данными не обладает. Самый опасный рукопашник, которого я встречал в жизни, росточком едва дотягивал до ста семидесяти сантиметров, но с легкостью отправ-

лял в нокаут гораздо более крупных оппонентов. Причем зачастую они даже не успевали понять, что случилось.

— Кофе-то в вашей богадельне нальют? — решив сменить тему, поинтересовался я у Максима. — Или всё-таки лучше на заправку заехать?

— Нальют, не беспокойся, — проворчал фсбэшник, выруливая на проспект. — Да и вообще не переживай особо. Никто тебя прессовать не собирается. Просто обозначат несколько правил поведения, которые облегчат жизнь и тебе и нам.

— А на электронку эти правила нельзя было сбросить? — не удержался я от очередной колкости. — Или в твоем подразделении тоже на каждую бумажку гриф секретности привыкли ставить?

— Нет, — не отреагировал на подначивание Мерзкий. — У нас просто нет никаких бумажек. Эдуард Алексеевич уверен, что чем меньше макулатуры, тем сохраннее чувствительная информация.

— Не могу не согласиться, — пожал я плечами. — Но нельзя же запомнить совсем всё… Адреса, телефоны… С этим что делать?

— Как мне сказали, выкручиваться, — улыбнулся мой собеседник. — Естественно, что я веду какие-то записи, но скажем так… Эпизодические. Чтобы никто посторонний ни о чем не догадался… Всё-таки наша информация слишком чувствительная, поэтому знать ее содержание всем необязательно.

— Интересная у вас работа, я бы даже сказал ответственная, если бы можно было понять, чем вы занимаетесь.

— Всем понемножку, — нехотя ответил Максим. — Или, если перефразировать, пытаемся объять необъятное. Отдел у нас маленький, количество вещей, связанных с потусторонним, стремится к бесконечности, вот и крутимся, как белка в колесе.

— Не очень понятно, почему этими вещами занимается контора, а не МВД или Рос гвардия, — задал я вопрос, который давно был мне интересен. — Или там есть дублирующие подразделения?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — ушел от прямого ответа Мерзкий. — Но раз ты такой умный, то сам додумаешься до правильного ответа. Или можешь спросить у господина полковника. Есть вероятность, что он обязательно ответит.

Машина въехала во двор какого-то пафосного особняка на набережной и, притормозив у главного входа, Максим добавил, хохотнув:

— Не факт, конечно, что ответит так, как ты ждешь, но точно ответит.

«Странные ребята», — подумал я, вылезая из автомобиля. — «И место странное. Контора в таких особняках редко живёт. Впрочем, с учетом их рода занятий, удивляться не приходится».

Четырехэтажное строение по нынешним временам наверняка стоило баснословную сумму денег. Но выглядело так, как будто располагалось на отшибе райцентра одной из отдаленных областей. Серо-коричневые стены явно не располагают к тому, чтобы остановиться и насладиться изысканной архитектурой. Интересно, что здесь было раньше? Здание то явно с историей. Вон какой двор огромный, даже не надо быть крупным ученым, чтоб догадаться, для чего такой огромный двор с широкой дорогой вокруг круглой клумбы. Когда-то давно кареты, запряженные лошадками, чинно подъезжали к каменной лестнице, высаживали своих пассажиров, а затем проезжали дальше, не портя пейзаж разворотами неповоротливого экипажа. Другой вопрос. Что даже под вездесущий «магнит» никто кусочек двора не оттяпал. Чудеса, да и только.

— Геннадий, доброе утро!

Я поднял голову и увидел, что на ступеньках стоит полковник Седых собственной персоной, улыбаясь, кстати, весьма дружелюбной улыбкой. Очень хотелось сказать что-нибудь ехидное, но я все-таки промолчал и лишь изобразил легкий поклон в сторону Эдуарда Алексеевича.

— Шеф, а я вам сейчас нужен? — разнесся над набережной жизнерадостный голос Мерзликина. — Можно я позавтракаю, а затем по делам проедусь?

— Позавтракать можно, поспать нельзя, — не отрывая от меня взгляда отозвался Эдуард Алексеевич. — У нас сегодня еще профилактические мероприятия в Измайлово.

— Грязные инсинуации, — в голосе Максима слышался смех, так что я уверился в правильности предположений полковника. — Я бы не позволил себе спать в рабочее время.

— Приятного аппетита, майор, — слегка усмехнулся полковник. — Жду вас через в бодром здравии и без признаков помятости на лице.

Обожаю такие отношения в коллективе! Никто не переходит грань, и начальник, и подчиненный четко помнят о своем месте под солнцем и в то же время не кичатся своим статусом, подчеркивая наличие гордыни и мнимой независимости. А вот такие доброжелательные перепалки очень сильно поднимают настроение и добавляют мотивации работать. Мелочь вроде бы, но правильно пользоваться ей могут только избранные.

На секундочку я даже позавидовал Мерзкому, прекрасно помня, как сложно в конторе найти адекватного начальника. Нет, они безусловно существуют, но с каждым годом их число стремительно катится к нулю.

Впрочем, нельзя исключать, что передо мной сейчас всего лишь разыграли небольшой спектакль. Типа, смотри, Геннадий. Какой я парень компанейский, можешь доверять мне на все сто процентов. Не классическая схема «хороший-плохой полицейский», но тоже что-то близкое. Разбудили с утра пораньше, толком ничего сообразить не дали и потащили в далекие дали на беседу с неведомым дяденькой. А дяденька наверняка весь такой добрый, замечательный, еще и кофе наверняка предложит…

— Геннадий, может быть, хотите чашечку кофе?

Теперь я посмотрел на полковника с опаской. Ну не может же он мысли мои читать? Или я действительно такой умный, что прям на раз-два просчитал его оперативные приемчики?

— Мы с вами не очень близко знакомы, но поверьте, что мне искренне неловко за необходимость столь ранней встречи, — продолжал заливаться соловьем Эдуард Алексеевич. — В качестве компенсации могу приложить круассан в довесок к кофе.

Еще бы, откуда нам быть знакомыми. Я же не помню. Что ты буквально недавно меня чуть ли не пасть отмороженному колдуну запихнул. А Катя при возможности так и вовсе тебе глаза выцарапает. А так да, исключительно шапочное знакомство.

— Круассан подойдет, — кивнул я и решительным шагом отправился навстречу к полковнику, широко улыбаясь и протягивая руку для рукопожатия. — А извиняться вам не за что. Это ж я птица вольная, а вы все-таки государственный служащий. Наверняка у вас и без моих визитов забот хватает.

— Ну-ну, — вроде как смутился полковник. — Не преуменьшайте собственную значимость. Вам пора привыкать к своему статусу, тем более что в какой-то степени он уже принадлежит не только лично вам, но и всему человечеству.

— По-моему, вы все-таки преувеличиваете, — изобразил я на лице искреннее смущение. — Какая такая значимость? Я же даже целителем в полной мере называться не могу, потому что в случае необходимости ветрянку от скарлатины отличить не в состоянии.

— А вот ваши коллеги уверены в обратном, — ответил Эдуард Алексеевич и, заметив мой недоуменный взгляд, пояснил. — Бывшие коллеги. Вы уж извините, но я был обязан собрать о вас хотя бы минимум информации. Так вот окружающие отмечают у вас потрясающую способность к самообучению. Так что уверен, имеющиеся пробелы в знаниях вы с легкостью ликвидируете в самое ближайшее время.

— Будем считать комплимент засчитанным. — согласился я. — Хотя обязан предупредить, что вас нагло и беззастенчиво обманули. Тем более, медицина оказалась гораздо более сложной областью знаний, чем безопасность.

— Поживем-увидим, — полковник открыл передо мной дверь и жестом пригласил проходить внутрь здания. В любом случае, нам с вами жить в этом городе и по всей видимости пересекаться достаточно регулярно. Я придерживаюсь принципа, что любые проблемы эффективнее не решать, а предупреждать до момента их возникновения. Именно поэтому я и настоял на нашей с вами встрече.

За дверью, к моему удивлению, оказался узкий и длинный коридор, причем сделанный не из современных строительных материалов, а буквально выложенный внутри здания из грубого камня. Я обратил внимания на густые вкрапления какого-то оранжевого минерала, но определить его у меня не получилось. Все-таки я не геолог, да и разглядывать камни никогда особенно не стремился. В Африке. Конечно, успел насмотреться на различные виды алмазов, но сейчас передо мной были явно не кимберлитовые трубки.

— Какой необычный дизайн, — прокомментировал я, поворачиваясь к полковнику. — Такое ощущение, что мы находимся где-то под землей внутри пещеры.

— Увы, пришлось внести некоторые конструктивные особенности во внутреннюю отделку, — пожал плечами Эдуард Алексеевич. — В этом здании бывают весьма разные гости, и не все из них изначально настроены на благожелательный лад.

Последние слова полковника почему-то стали звучать глуше, а сам силуэт стоявшего передо мной человека размазываться в пространстве.

— Геннадий, вам плохо? — услышал я как будто сквозь вату, а затем голову сжали невидимые тиски и в глазах стремительно потемнело.

«Попался, как ребенок», — пронеслось в голове, после чего мои колени подломились. — «Вот только зачем?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.